

ГЕРМАНИЯ И ШВЕЦИЯ – МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1939–1945 ГОДАХ

ГЕРМАНИЯ И ШВЕДСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ

1 сентября 1939 года вооружённые силы Третьего Рейха пересекли границу Польши. В тот же день Швеция объявила о своём нейтралитете в кратком документе, который ссылался на совместную декларацию нейтралитета, разработанную пятью северными государствами в предыдущем году.

Заявление Швеции не стало неожиданностью для германского правительства, поскольку оно подтверждало позицию, давно считавшуюся одним из основных принципов шведской внешней политики. Швеция сохраняла нейтралитет в годы ПМВ, несмотря на давление различных групп внутри страны. Когда мировая напряжённость вновь начала указывать на возможность конфликта, шведское правительство приняло в Стокгольме представителей Исландии, Норвегии, Дании и Финляндии. 27 мая 1938 года участники Стокгольмской конференции объявили о принятии пересмотренного набора правил нейтралитета, основанных на ранее принятых положениях 1912 года. Изменения касались исключительно технических процедурных вопросов, таких как ограничение военных полётов над нейтральной территорией, при этом вопрос торговых отношений с воюющими державами не затрагивался. Соглашение не предполагало военного союза, а лишь отражало общность целей подписавших его государств.

В речи в рейхстаге 28 апреля 1939 года Гитлер предложил северным странам заключить пакты о ненападении, и вскоре начались переговоры в этом направлении между Германией и правительствами Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, Эстонии и Латвии. Латвия и Эстония без колебаний приняли это предложение, однако другие страны проявили большую осторожность. Министр иностранных дел Швеции [Рикард Сандлер](#) (Rickard Johannes Sandler) выступил против договора и попытался убедить другие северные правительства отвергнуть предложение Гитлера. Сандлер сомневался, что подобное соглашение «соответствует существующему нейтралитету скандинавских стран», и полагал, что его можно истолковать так, будто в случае войны скандинавские страны смогут поставлять товары только Германии, но не её противникам. Его точка зрения возобладала, и Норвегия и Финляндия последовали примеру Швеции, отказавшись от предложения, заявив, что сама идея германского нападения на них немыслима. Дания, находившаяся в более уязвимом положении, сочла себя вынужденной принять предложение и подписала пакт о ненападении с Германией 31 мая 1939 года.

Весной 1939 года германское правительство также стремилось определить, какой будет торговая политика Швеции в случае войны. Швеция и Финляндия пытались создать совместные оборонительные укрепления на Аландских островах, и германский флот предложил расширить переговоры по этому вопросу, включив в них обсуждение продолжения поставок железной руды в Германию. Шведскому правительству было предложено изложить принципы торговой политики, которой оно будет придерживаться в военное время, и 21 апреля оно, наконец, ответило следующим заявлением:

Швеция, которая неоднократно заявляла о своей решимости сохранять нейтралитет в случае войны, будет также поддерживать свои торговые отношения [с другими странами] в период военных действий таким образом, который соответствует этой цели.

Это заявление было очень похоже на формулировку, ранее предложенную германским министром иностранных дел, и, по-видимому, удовлетворило тех, кто опасался, что торговые интересы Германии могут пострадать в случае войны.

По мере приближения войны группа стран, известная как *Oslo Powers* и включавшая Швецию, Норвегию, Данию, Финляндию, Голландию, Бельгию и Люксембург, направила представителей на конференцию в Брюсселе, открывшуюся 23 августа 1939 года. Король Бельгии выступил по радио с призывом к миру от имени всех присутствующих государств, подчеркнув их общее стремление избежать вовлечения в конфликт, который казался всё более неизбежным. Предложение о посредничестве осталось без ответа со стороны Германии. Предпринимались также попытки частных лиц снизить растущее напряжение между Германией и Великобританией. Одну из наиболее заметных попыток предпринял шведский инженер [Биргер Далерус](#) (Birger Dahlerus), который жил как в Великобритании, так и в Германии и был знаком с командующим *Люфтваффе* Германом Герингом. С начала июля Далерус совершал многочисленные поездки между Лондоном и Берлином, пытаясь убедить представителей обеих сторон прийти к соглашению. Ему удалось организовать 7 августа встречу между семью британскими предпринимателями и несколькими немцами, включая Геринга. Британские представители, действовавшие как частные лица, пытались убедить Геринга в серьёзности, с которой Великобритания воспринимает действия Германии в польском вопросе, однако встреча не дала значительных результатов. Далерус продолжал свои усилия даже после начала войны 1 сентября, но немцы, за возможным исключением Геринга, были настроены следовать курсу, ранее определённом Гитлером, и все попытки посредничества оказались безрезультатными.

1 сентября государственный секретарь Германии [фон Вайцзеккер](#) (Ernst von Weizsäcker) направил в Стокгольм ноту, в которой сообщалось, что германский посланник, [принц цу Вид](#) (Viktor Prinz zu Wied, 1877-1946), должен сделать следующее заявление шведскому министру иностранных дел:

Мы намерены, в соответствии с дружественными отношениями между нашими странами, ни при каких обстоятельствах не нарушать неприкосновенность и целостность Швеции и всегда уважать территорию шведского государства.

Затем фон Вайцзеккер добавил, что Германия ожидает от Швеции проведения политики строгого нейтралитета и особенно надеется, что Швеция не допустит вмешательства других государств в свои дела. В случае такого вмешательства Германия, разумеется, будет действовать для защиты своих интересов.

3 сентября специальный представитель Германии [Ульрих фон Хассель](#) (Christian August Ulrich von Hassell) вместе с принцем цу Видом посетили премьер-министра Швеции [Перу Альбина Ханссона](#) (Per Albin Hansson) и министра иностранных дел Сандлера. Цель визита заключалась в обеспечении продолжения экономических отношений между двумя странами. Фон Хассель сослался на заявление шведского правительства от 21 апреля, в котором выражалось намерение Швеции вести торговлю в военное время в соответствии с её нейтральным статусом. Он подчеркнул важность шведских товаров для германской экономики и выразил надежду, что существующие структура торговли между Германией и Швецией будет сохранена. Шведские министры, по-видимому, согласились с просьбами фон Хасселя, хотя подробно вопрос торговых пропорций не обсуждался. Они предупредили немецкую сторону, что потребности Швеции будут иметь приоритет, однако любые ограничения на импорт будут одинаково применяться ко всем странам, с которыми Швеция поддерживает торговые отношения и которые уважают её нейтралитет. Успех, достигнутый фон Хасселем в ходе переговоров в Стокгольме, можно частично объяснить благоприятным эффектом, вызванным одновременной поставкой крупной партии германского угля — ресурса, жизненно важного для шведской экономики. Поставка угля широко освещалась в шведской прессе и служила наглядным подтверждением стремления Германии продолжать торговлю в условиях войны.

Осенью 1939 года Германия продолжала уверять Швецию в своих мирных намерениях. 6 октября Гитлер выступил с речью, в которой заявил:

Германия никогда не имела ни конфликтов интересов, ни даже спорных вопросов с северными государствами и не имеет их сегодня. Швеции и Норвегии было предложено заключить пакты о ненападении с Германией, и обе страны отказались исключительно потому, что не считают себя каким-либо образом находящимися под угрозой.

В то время как война продолжалась, Швеция предпринимала все усилия для скорейшего урегулирования конфликта. В октябре шведский король [Густав V](#) дал понять, что он и другие скандинавские монархи готовы выступить посредниками между воюющими сторонами, если поступит соответствующая просьба, однако инициатива должна была исходить от самих воюющих держав. Гитлер отнёсся к этому предложению прохладно, полагая, что Великобритания не согласится на его условия, и от западных держав ответа не последовало. Ещё одна попытка Далеруса вмешаться была отклонена германским министерством иностранных дел.

Хотя нейтралитет был основным принципом шведской стратегии, он одновременно носил характер «вооружённого нейтралитета». Небольшая шведская армия была быстро расширена в соответствии с условиями военного времени, а оборона усилена на случай возможного вторжения. Масштаб этого расширения отражался в военном бюджете: если в 1938-1939 годах он составлял всего 30 миллионов долларов, то в 1939-1940 годах вырос до 400 миллионов. Особенно хорошо была развита противовоздушная оборона, поскольку в Швеции находился знаменитый оружейный завод *Бофорс/Bofors*, производивший превосходные зенитные орудия. Самым трудным для обороны участком оставалась береговая линия с бесчисленными бухтами и заливами. Для обеспечения надлежащей защиты побережья требовалось расширение военно-морской инфраструктуры и строительство специальных укреплений в наиболее уязвимых местах. Однако главный козырь шведской системы обороны носил не столько военный, сколько экономический характер. На случай нападения шведы разработали систему, предусматривавшую саботаж собственных железных рудников с целью сделать их непригодными для эксплуатации. Если бы Германия решила вторгнуться в Швецию, победа досталась бы ей дорогой ценой, поскольку Германия в значительной степени зависела от импорта шведской железной руды. Таким образом, экономика Швеции сама по себе становилась её главным оружием против возможной германской агрессии.

Тесные экономические связи между Германией и Швецией являются фактором, который необходимо рассмотреть подробнее. Значение шведской железной руды для германской промышленности лучше всего иллюстрируется тем фактом, что более 50% импорта железной руды в Германию в 1930-е годы поступало из шведских месторождений. В 1939-1942 годах объём поставок составлял примерно 10 млн. тонн ежегодно. Шведская руда отличалась высоким качеством, содержащим 55–67% железа по сравнению с 20-40% в большинстве других европейских месторождений. Она имела особую ценность для германской военной промышленности, и такие крупные компании, как *Крупп* и *Тиссен*, специально приспособили свои предприятия для переработки этой богатой руды.

Постоянные поставки были необходимы для поддержания высокого уровня промышленного производства, требуемого экономикой военного времени. Более того, промышленник [Фриц Тиссен](#) (Fritz Thyssen), как сообщалось, заявил Гитлеру, что «войну выиграет та сторона, которая обеспечит контроль над шведской рудой». Основная трудность для Германии, при условии готовности Швеции экспортировать руду, заключалась в проблеме её транспортировки. Крупнейшие месторождения руды в Швеции расположены на севере страны, вблизи горнодобывающих центров Кируна/Kiruna и Елливаре/Gällivare. В первом находилось одно из крупнейших в мире месторождений железной руды Кирунаваара. Помимо северных рудников, залежи имелись и в центральной Швеции, в районе Бергслагена/Bergslagen, которые, однако, отличались более низкими содержаниями железа по сравнению с лапландскими. Во время войны руда из центральной

Швеции использовалась главным образом для внутреннего потребления, хотя часть её также экспортировалась в Германию. Однако именно более богатая северная руда имела для Германии решающее значение. Проблема заключалась в том, что существовало лишь два порта для её вывоза. Одним из них был Лулео/Luleå на Балтийском море, но он был скован льдом четыре-пять месяцев в году, поэтому основным пунктом экспорта стал порт Нарвик на северном побережье Норвегии. Нарвик располагался в ста милях к северу от Полярного круга, но благодаря тёплому течению Гольфстрим оставался незамерзающим зимой. Оба порта были соединены с

рудниками шведской государственной железной дорогой, известной как «железорудная линия» (см. карту слева).

После доставки руды в Нарвик она загружалась на немецкие суда для обратного рейса. Хотя путь был долгим, он упрощался тем, что вдоль норвежского побережья тянется непрерывная цепь островов, отделяющих от открытого моря глубокий морской путь протяженностью около 1 600 км, известный как «шхерный путь» (Leads). Он находился в территориальных водах Норвегии, поэтому германские грузовые суда находились в относительной безопасности, пока не покидали эту зону. Союзники вскоре осознали это, и по мере продолжения войны начали предпринимать серьёзные попытки остановить поток железной руды в Германию, идущий по этому маршруту.

Железная руда была не единственным сырьём, импортируемым Германией из Швеции. Она также ввозила медь, ферросплавы, мел и известняк, пириты, некоторые виды лесоматериалов и древесной продукции, особенно сульфатную целлюлозу, масло, жмых, шкуры, кожи и дубильные экстракты». Германия также [импортировала в большом количестве шведские шарикоподшипники](#), жизненно важные для авиационной промышленности. Компания [Svenska Kullagerfabriken](#) - SKF, крупнейший шведский производитель высококачественных подшипников, несмотря на протесты союзников продолжит поставки в Германию вплоть до осени 1944 года. В свою очередь, Швеция служила рынком сбыта для некоторых германских товаров, в частности машин, текстиля, химической продукции и, особенно, кокса и угля. Последние были крайне необходимы для шведской промышленности и должны были импортироваться, поскольку собственные запасы угля покрывали лишь около 5% её потребностей. Сочетая активную торговую политику со Швецией и заключая торговые соглашения между двумя странами, Германия стремилась ещё теснее привязать Швецию к своей экономике. На совещании у Гитлера 23 октября 1939 года было заявлено, что:

Отношение нейтральных стран к войне и к Германии должно быть полностью изменено с помощью чётких и однозначных директив, а также конкретных мер со стороны Германии. Более чем когда-либо необходимо внушить нейтральным государствам, что они ни при каких обстоятельствах не смогут выйти из этой войны «смеющимися победителями» на фоне экономически разрушенной или ослабленной Германии.

С самого начала войны в Стокгольме велись переговоры о германо-шведском торговом соглашении. Поначалу шведская сторона, казалось, была настроена благожелательно, однако ряд факторов угрожал сорвать переговоры. В сентябре шведское общественное мнение было взбудоражено торпедированием двух шведских судов, перевозивших товары в Англию. Директор департамента экономической политики Германии предупреждал, что подобные настроения могут нарушить поставки руды: «Руду нужно не только продавать, её нужно добывать и отгружать, — а значит, необходимо учитывать и настроение рабочих на шахтах и погрузочных предприятиях.» 10 октября на совещании у фюрера было объявлено, что подводные лодки [Кригсмарине] не должны вмешиваться в торговое судоходство в скандинавских водах, чтобы избежать потопления скандинавских судов. Экономические переговоры были возобновлены 17 октября, однако вскоре возникли новые разногласия, усилившие напряжённость между делегациями. Германское правительство было серьёзно обеспокоено объёмом торгового судоходства, проходившего через территориальные воды Швеции. Швеция заявляла не только о традиционной трёхмильной зоне, признанной международным правом, но и настаивала на расширении своих территориальных вод до четырёх миль от побережья. Германский флот, разумеется, придавал этому большое значение, поскольку стремился установить минные заграждения в Балтийском море для ограничения вражеского судоходства. Как объяснял позднее один из высокопоставленных морских офицеров, «значительная часть торговых судов, перевозивших грузы из Балтийского моря в Северное и далее, фактически проходила через разрыв в нашем минном заграждении и через трёхмильную зону. Это составляло большое число судов ежедневно. Морской штаб был убеждён, что это в основном суда, опасавшиеся контроля со стороны германского флота».

Командование *Кригсмарине* полагало, что значительную часть этого трафика можно сократить, если установить минные поля в полосе четвёртой мили, на которую претендовала Швеция. Оно обратилось за консультацией в министерство иностранных дел Германии, однако там этот план встретил сопротивление. Департамент экономической политики не хотел лишать Швецию её четырёхмильной зоны в разгар торговых переговоров, поскольку это значительно усложнило бы работу переговорщиков, особенно учитывая, что Германия могла оплачивать лишь около половины желаемых поставок железной руды за счёт экспорта товаров, а остальное приходилось покрывать кредитами и «доброй волей шведов». Министерство иностранных дел предпочло отложить решение до урегулирования экономических вопросов.

Тем не менее, несмотря на возражения, морское командование сочло необходимым принять меры против судоходства в спорной четвёртой миле и уведомило об этом министерство иностранных дел. В результате 31 октября шведскому правительству была вручена нота, в которой заявлялось, что «Германия будет продолжать признавать лишь стандартную трёхмильную границу». Как и предсказывали германские экономические эксперты, шведское правительство не стало отказываться от своих претензий и 1 ноября направило в Берлин ноту протеста. Эти разногласия грозили сорвать торговые переговоры, однако германским делегатам было разрешено обсуждать вопросы морской войны со шведами, чтобы попытаться урегулировать спор за столом переговоров. 2 ноября корабли *Кригсмарине* установил мины в пределах четвёртой мили шведских вод, но за пределами трёхмильной зоны. Это закрыло проход для крупных судов с большой осадкой и усилило контроль Германии над Балтийским морем. Ещё одной причиной конфликта стал захват германскими властями шведских торговых судов. 29 ноября лондонская газета *The Times* сообщила, что 37 шведских судов удерживаются германскими органами контроля за контрабандой, хотя «все, кроме трёх, направлялись в нейтральные порты». Германия опасалась, что в случае их освобождения суда могут быть проданы Англии.

Хотя Швеция протестовала против германских минных заграждений в четырёхмильной зоне, германское правительство, в свою очередь, обвиняло шведов в установке мин вокруг Аландских островов, в результате чего были потоплены несколько германских патрульных катеров. Это осложняло борьбу с торговым судоходством других стран и рассматривалось как мера, направленная на подрыв германских интересов. В то же время Швеция

отказалась минировать свои территориальные воды в пределах трёхмильной зоны. Запрос германского министерства иностранных дел с просьбой установить мины в проливе Фальстербо/Falsterbo был отклонён шведской стороной.

Несмотря на все эти противоречия, Германия и Швеция в конечном итоге заключили торговое соглашение, подписанное 22 декабря 1939 года. В 1940 году шведское правительство соглашалось выдавать лицензии на экспорт товаров в Германию, «как правило, в объёмах, соответствующих официальной статистике шведского экспорта в Германию, Чехословакию и Польшу за 1938 год». Были предусмотрены и исключения, включая планируемый экспорт в Германию в 1940 году 10 млн. тонн железной руды. При этом особо оговаривалось, что для достижения такого объёма необходимо экспортировать 2-3 млн. тонн руды через Нарвик. Со своей стороны, Германия обещала увеличить поставки угля и кокса в Швецию, хотя шведы должны были обеспечить железнодорожную перевозку основной части этих грузов. К числу других товаров, поставляемых Германией, относились прокат чёрных металлов, доменный чугун и поваренная соль. Отдельный раздел соглашения касался цен на экспортируемые товары. На тот момент было решено сохранить цены на шведскую железную руду и большинство германских товаров на уровне, «действовавшем в 1939 году до 1 сентября». Однако не исключалась возможность умеренного повышения цен по взаимному согласию сторон. Главным условием было сохранение баланса между стоимостью взаимных поставок. 12 января 1940 года было подписано дополнительное соглашение, увеличившее стоимость ряда указанных товаров.

Пока велись регулярные экономические переговоры, Швеция также обратилась к германскому правительству с просьбой разрешить закупку военных материалов в Германии. В декабре шведский военный атташе представил в Управление военной экономики в Берлине список необходимого вооружения. В него входили противотанковые и зенитные орудия, полевые гаубицы, пистолеты-пулемёты, ручные гранаты и бронев автомобили. Запрос был передан Гитлеру, который дал согласие на продажу Швеции избыточного вооружения, если это не нанесёт ущерба германским военным усилиям. 27 января 1940 года было подписано соглашение, по которому Германия обязалась поставлять Швеции оружие и боеприпасы в обмен на золото и дополнительные поставки сырья. Однако объём вооружений, который Германия могла выделить, составил лишь небольшую часть от запрошенного Швецией.

Хотя Швеция направляла значительную часть своего экспорта в Германию, она также сохраняла торговые связи с западными державами. 7 декабря было подписано торговое соглашение между Швецией и Великобританией. Британцев прежде всего беспокоил экспорт шведской железной руды в Германию, и они надеялись убедить шведское правительство ограничить эти поставки. Во время переговоров в октябре шведы, испытывая давление со стороны Германии, отказались идти на какие-либо сокращения. Максимум, на что они согласились, - это заключить секретное соглашение с Великобританией о попытке ограничить экспорт руды с помощью «технических препятствий». Что именно подразумевалось под этим, шведы не уточнили. Британские представители рассчитывали, что это обещание вскоре будет выполнено. Однако уже в конце ноября стало известно, что шведские рудники работают круглосуточно, а не по шестнадцать часов, как обычно. Железнодорожная линия также функционировала с увеличенной нагрузкой: восемнадцать поездов в день направлялись в Нарвик вместо обычных десяти. Шведы объясняли это тем, что зимой рудники часто работают в усиленном режиме, чтобы накопить запасы руды в Нарвике до того, как она начнёт замерзать в вагонах в более холодные месяцы. Такое объяснение не удовлетворило британцев, но было очевидно, что Швеция руководствуется собственными экономическими интересами.

Швеция согласилась не реэкспортировать товары, ранее ввезённые из Великобритании. Единственным исключением были готовые изделия, произведённые из импортированного сырья: их можно было продавать британским или союзным покупателям. Однако подобные товары не могли поставляться в Германию. Соглашение о судоходстве, подписанное 28

декабря 1939 года, предусматривало, что по возможности все товары, перевозимые между Швецией и Великобританией, должны транспортироваться шведскими судами в обоих направлениях. Тот факт, что Швеция смогла заключить соглашение с Великобританией, исходя из предположения, что её близость к Германии не ограничит торговлю с Западом, сам по себе показателен. Как нейтральное государство, Швеция заявила о намерении вести торговлю с обеими сторонами конфликта. Пока Швеция продолжала поставлять Германии значительные объёмы железной руды и других сырьевых ресурсов, германское руководство не решалось оказывать на неё давление, которое могло бы вызвать негативную реакцию шведского правительства. Условия германо-шведских торговых соглашений ясно показывают, что любые обещания, данные Швецией союзникам, не были достаточно обязательными, чтобы существенно сократить её экспорт в Германию.

Зимой 1939-1940 годов внимание Европы было приковано к конфликту, начавшемуся 30 ноября [между Советским Союзом и Финляндией](#). Германия была связана с СССР пактом о ненападении, и, как бы ни относился Гитлер к советской экспансии на севере, он не мог открыто вмешаться. Однако он мог молчаливо наблюдать за тем, как Швеция оказывает помощь Финляндии. 19 декабря германский посланник в Финляндии [Виперт фон Блюхер](#) (Wipert Carl Wilhelm von Blücher) сообщил фон Вайцзеккеру, что ходят слухи, будто Германия предупредила шведское правительство о возможных военных действиях против Швеции в случае её вмешательства в финскую войну. Фон Вайцзеккер ответил, что это не соответствует действительности: никаких подобных предупреждений Швеции не делалось, и позиция Германии в этом конфликте остаётся строго нейтральной.

Общественное мнение в Швеции почти единодушно поддерживало Финляндию. Министр иностранных дел Рикард Сандлер выступал за прямое вмешательство, опасаясь, что экспансионистские цели СССР распространяются не только на Финляндию, но и на Швецию, включая Аландские острова. Однако более осторожные круги взяли верх. В декабре Сандлер был отправлен в отставку, и его сменил карьерный дипломат [Кристиан Гюнтер](#) (Christian Ernst Günther). Политика Швеции приобрела характер, который можно назвать «невоюющим интервенционизмом».

Финская война рассматривалась как конфликт, выходящий за рамки общей европейской войны, и потому Швеция могла оказывать помощь одной из сторон, не подвергая серьёзной опасности свой нейтральный статус в более широком конфликте. Швеция собрала для Финляндии значительные запасы вооружения, передав в общей сложности 80 000 винтовок, 500 автоматических единиц оружия, 85 противотанковых орудий, 112 полевых пушек и гаубиц, 104 зенитных орудия, 50 миллионов патронов, 300 000 артиллерийских снарядов и 25 самолётов, а также топливо и различное оборудование. Часть этого вооружения была передана финнам во временное пользование с обязательством возврата после войны. Кроме того, в Швеции проводились сборы средств для обеспечения финского населения одеждой, продовольствием и медицинскими принадлежностями. Швеция не направляла регулярные войска, но разрешила [набор добровольцев](#). Их число достигло почти 9 000 человек, и они были направлены через границу, полностью экипированные, для помощи финнам. Германское правительство было полностью осведомлено об этой деятельности. 10 февраля 1940 года директор политического департамента [Эрнст Вёрманн](#) (Ernst Woermann) писал в служебной записке:

По имеющимся у нас сведениям, Швеция... разрешила отправку добровольцев, которые, однако, если они состояли на службе в шведских вооружённых силах, должны были предварительно выйти в отставку. Мы не занимали официальной позиции по этому вопросу. Ситуация изменилась бы, если бы силы держав, с которыми мы находимся в состоянии войны, прибыли в Швецию или Норвегию по пути в Финляндию. Это уже представляло бы для нас серьёзный интерес.

Возможность вмешательства союзников в финский конфликт была вполне реальной. Западные державы были обеспокоены не только судьбой Финляндии: они также понимали, что помощь ей, вероятно, должна будет проходить через Норвегию и Швецию, что создаёт

возможность установить контроль над шведскими рудными районами и прекратить поставки железной руды в Германию. Уже в середине декабря британское правительство рассматривало план высадки экспедиционного корпуса в Нарвике с целью поддержки финнов и захвата северных рудников. Уинстон Черчилль, занимавший тогда пост первого лорда Адмиралтейства, активно поддерживал этот план и даже предлагал расширить его, включив минирование норвежских вод. Он писал: «Если Нарвик станет своего рода союзной базой для снабжения финнов, будет нетрудно помешать германским судам загружать там руду и безопасно следовать вдоль шхерного пути в Германию».

Шведский доброволец на Советско-Финском фронте. Февраль 1940 года

5 февраля Верховный союзный военный совет собрался в Париже для обсуждения возможности вмешательства. Было принято решение направить экспедицию в Нарвик, которая сначала должна была занять рудные месторождения в Елливаре, а затем продвинуться к финскому фронту через железорудный порт Лулео. Высадки также планировались в Ставангере, Бергене и Тронхейме. Предложение Черчилля о минировании норвежских вод было на тот момент отложено британским правительством. Союзники также намеревались обратиться к правительствам Норвегии и Швеции с просьбой разрешить проход через их территорию. Согласие Швеции было особенно важно, поскольку силы, высаженные в Нарвике, должны были использовать железнодорожную линию для продвижения вглубь Швеции. Вдоль этого маршрута не было дорог, а железная дорога была электрифицирована, и, если бы шведы отключили подачу электроэнергии, вся экспедиция могла бы оказаться заблокированной в Нарвике. Однако и Норвегия, и Швеция отказались рассматривать предложение союзников, опасаясь, что согласие втянет их в войну с Германией. Они разрешили лишь поставки вооружения в Финляндию со стороны союзников и проход «добровольцев» из Франции и Англии, но не согласились на транзит регулярных войск. К началу марта все стороны, кроме западных держав, оказывали давление на Финляндию с целью скорейшего прекращения войны. Начальник Имперского генерального штаба Великобритании [генерал Айронсайд](#) выразил это весьма ясно, написав, что перемирие желательно:

1. Для Германии, поскольку она не хочет ни русских, ни союзников в Елливаре до тех пор, пока Ботнический залив не освободится ото льда.
2. Для России, поскольку она уже понесла достаточно потерь и не может удовлетворить германские требования в сырье.

3. Для Швеции, поскольку она не желает становиться предметом спора и быть втянутой в войну.

Германская точка зрения была чётко сформулирована 22 февраля посланником Рейха в Финляндии: «...у меня нет сомнений... что наилучшим решением было бы завершить финско-советский конфликт до того, как западные «ангелы-хранители» успеют прибыть и взять под свою защиту шведскую руду вместо Финляндии». В ходе последующих мирных переговоров между СССР и Финляндией шведское правительство выступало посредником, и 12 марта Зимняя война наконец завершилась. Условия [Московского мирного договора](#) оказались более жёсткими, чем ожидали шведы, однако Финляндия не имела возможности отвергнуть советские требования.

Для Германии сложившаяся ситуация была весьма благоприятной. С восстановлением мира у союзников больше не было предлога для вмешательства в Скандинавии, а правительства Норвегии и Швеции продемонстрировали, к удовлетворению Гитлера, что будут сопротивляться попыткам западных держав вовлечь их в операции, противоречащие германским интересам. Германская промышленность теперь могла рассчитывать на стабильные и бесперебойные поставки железной руды из Швеции.

ВТОРЖЕНИЕ В НОРВЕГИЮ

После завершения Советско-Финской войны Великобритания и Франция уже не могли рассчитывать на высадку войск в Нарвике под предлогом помощи Финляндии. Однако союзники не собирались так легко отказаться от контроля над шведской рудой, и вскоре было найдено новое обоснование для вмешательства - продолжающиеся нарушения нейтралитета Норвегии германскими судами. Следующий этап борьбы за шведскую руду развернулся вокруг контроля над морским маршрутом её доставки в Германию. Вскоре после начала войны появились свидетельства того, что Германия использует норвежские территориальные воды в различных целях. 9 октября 1939 года американское судно *City of Flint*, перевозившее британский груз, было захвачено в северной Атлантике германским «карманным линкором» *Deutschland*, после чего на борт была высажена призовая команда. Немцы также перевели на это судно 38 британских пленных, снятых с потопленного корабля *Stone Gate*, намереваясь доставить их в Германию через норвежские территориальные воды.

20 октября судно зашло в Тромсё/Tromsø за водой, где норвежские власти освободили британских пленников. Самому судну, однако, было позволено продолжить путь, и норвежские военные корабли сопровождали его вдоль шхерного пути, чтобы защитить от возможных действий противника. 3 ноября судно прибыло в Хёугесунн/Haugesund, южнее Бергена. Немецкий капитан попытался сослаться на наличие больных на борту и вызвал врача, однако это оказалось ложью. Согласно международному праву, у судна больше не было оснований оставаться в порту, поэтому норвежские власти удалили немецкую команду и вернули судно американскому капитану. Норвежское правительство действовало в этой ситуации корректно и в соответствии с нормами Гаагской конвенции 1907 года. Судно было освобождено только после того, как действия Германии стали явным нарушением норвежского нейтралитета. Несмотря на протесты Берлина, Норвегия отказалась возвращать *City of Flint* под германский контроль.

Ещё одно нарушение норвежского нейтралитета произошло в декабре 1939 года, когда три иностранных судна были торпедированы в пределах норвежских территориальных вод. Это были британские суда *Thomas Walton* (потоплено 8 декабря) и *Deptford* (торпедировано 13 декабря), а также греческий пароход *Garaufalia*, потопленный 11 декабря. 6 января 1940 года британское правительство направило ноту норвежскому правительству, ссылаясь на положения Гаагской конвенции и протестуя против атак на суда в территориальных водах страны, сохраняющей нейтральный статус. В ноте говорилось о том, что несмотря на следующие статьи конвенции...

Статья 10. Нейтралитет державы не нарушается простым проходом через её территориальные воды военных кораблей или призов, принадлежащих воюющим сторонам.

Статья 21. Приз может быть введён в нейтральный порт только по причине непригодности к плаванию, плохой погоды или нехватки топлива или продовольствия. Он должен покинуть порт, как только исчезнут обстоятельства, оправдавшие его заход. Если этого не происходит, нейтральная держава обязана потребовать немедленного ухода; в случае неповиновения она должна использовать имеющиеся средства, чтобы освободить судно вместе с экипажем и интернировать призовую команду.

Статья 22. Нейтральная держава должна аналогичным образом освободить приз, приведённый в один из её портов при обстоятельствах, отличных от указанных в статье 21.

... Норвегия позволила Германии без протеста проводить военно-морские операции в норвежских территориальных водах. В случае повторения подобных инцидентов Англия будет вынуждена действовать аналогичным образом, то есть вести операции своими военно-морскими силами в норвежских территориальных водах. В ответ на британскую ноту министр иностранных дел Норвегии доктор [Хальвдан Кут](#) (Halvdan Koht, 1873-1965) защитил позицию своей страны, заявив, что нет доказательств того, что двое из потопленных судов действительно находились в норвежских территориальных водах в момент их гибели. Он также отметил, что отсутствуют достоверные данные, подтверждающие факт торпедирования этих судов (хотя в частном разговоре с германским посланником Куртом Бройером (Curt Bräuer, 1889-1969) признал, что некоторые свидетели утверждали, будто видели торпеды). Швеция и Норвегия часто консультировались друг с другом по вопросам нейтралитета перед принятием совместных решений, и в данном случае обе страны призвали Великобританию не допускать входа [ее военных кораблей] в норвежские воды. Учитывая жёсткую позицию Швеции и Норвегии, британцы не стали немедленно реализовывать свою угрозу, однако было ясно, что новый инцидент может превратить норвежские воды в часть общего театра военных действий.

15 февраля немецкий танкер *Altmark* - судно снабжения рейдера *Admiral Graf Spee* - вошёл в норвежские территориальные воды. На его борту находились 299 британских моряков торгового флота, захваченных после потопления нескольких судов рейдером *Graf Spee*. Их должны были доставить в Германию в качестве военнопленных. Британцы знали о человеческом грузе, находившемся на борту танкера *Altmark*, и направили несколько эсминцев для его перехвата. В то же время танкер сопровождался норвежскими торпедными катерами на пути на юг. Норвежцам было сообщено британцами, что на борту находятся пленные, однако они не провели тщательного досмотра судна, чтобы подтвердить эти сведения. 18 февраля британский эсминец *Cossack* вошёл в норвежские территориальные воды и высадил штурмовую команду на *Altmark* несмотря на протесты норвежской стороны о нарушении нейтралитета. Пленные были освобождены, а несколько немецких членов экипажа были убиты, оказав сопротивление. Действия британцев, безусловно, представляли собой нарушение норвежского нейтралитета, хотя британское правительство заявило, что и Германия нарушила его, злоупотребив правом «мирного прохода», перевозя пленных через норвежские воды.

Германское правительство было серьёзно обеспокоено тем, что норвежские корабли не смогли защитить *Altmark* от вмешательства. Германский военно-морской атташе в Норвегии Рихард Шрайбер (Richard Schreiber) провёл беседу с командующим норвежским флотом адмиралом Дисеном (Henry Edward Diesen, 1883-1953), который дал следующее объяснение: «Что может сделать маленький торпедный катер с двумя автоматическими пушками против крейсера? Один залп — и его не станет. К тому же лёд был настолько плотным, что наши небольшие корабли не могли преследовать мощные британские эсминцы». (Примечание военно-морского атташе: «По словам капитана танкера *Altmark*,

лёд не был таким тяжёлым. Когда я заметил, что, как офицер германского флота, не могу понять и одобрить столь слабую позицию командира норвежского катера, он лишь пожал плечами.»)

Норвежское правительство направило ноту протеста Великобритании, однако этот шаг не произвёл на Германию такого впечатления, как сам факт вмешательства Великобритании в происходящее в норвежских водах. Реакцию германского военно-морского руководства хорошо иллюстрирует высказывание командующего *Кригсмарине* [адмирала Редера](#) (Erich Johann Albert Raeder):

Этот инцидент ясно показал, что Норвегия совершенно неспособна поддерживать свой нейтралитет, даже если правительство этого желает, а, как очевидно, не все [представители] власти этого хотят. Он также показал, что британское правительство без колебаний нарушает нейтралитет Норвегии, если речь идёт об освобождении пленных. Теперь почти не остаётся сомнений, что англичане не постесняются занять базы в Норвегии, если смогут сделать это без боя... Теперь необходимость занять Норвегию, чтобы опередить противника, должна быть серьёзно рассмотрена.

Германия давно проявляла интерес к стратегическому положению норвежского побережья. В 1929 году вице-адмирал [Вольфганг Вегенер](#) (Wolfgang Wegener) опубликовал книгу *Стратегия мировой войны/Seestrategie*, которая получила широкое распространение среди германских морских офицеров. Вегенер утверждал, что главной задачей флота в войне является защита торгового судоходства, и для этого Германия должна расширить свои базы на север, чтобы ослабить британскую блокаду. Он критиковал Германию за то, что в ПМВ она не заняла Норвегию, отмечая, что контроль над норвежскими базами позволил бы Германии «значительно обойти английскую стратегическую позицию с севера». И Гитлер, и адмирал Редер были знакомы с этими идеями.

В декабре [Видкун Квислинг](#) (Vidkun Abraham Lauritz Jonssøn Quisling), лидер небольшой пронацистской партии *Национальное единство/Nasjonal Samling* в Норвегии, посетил Германию. Он прибыл по приглашению [Альфреда Розенберга](#) (Alfred Rosenberg), специалиста по деятельности «пятой колонны» за рубежом, который организовал его встречу с адмиралом Редером. Розенберг также направил Редеру доклад, знакомивший его с предложением Квислинга захватить власть в Норвегии.

Норвежский стorting (парламент) принял решение продлить свои полномочия на год с 12 января, что противоречило конституции. Используя это как предлог, Квислинг намеревался осуществить политический переворот и заручиться поддержкой армии. (Квислинг ранее занимал пост военного министра, имел звание майора запаса и обладал значительными связями в вооружённых силах.) Во время своего визита в Германию он надеялся убедить Гитлера предоставить специальную подготовку для группы своих сторонников, которые затем вернулись бы в Норвегию и попытались захватить ключевые государственные учреждения в Осло. После этого новое правительство Квислинга пригласило бы подразделения германской армии и флота для помощи в операции. 12 декабря Редер встретился с Квислингом и его помощником Альбертов Хагелином (Albert Viljam Hagelin, 1881-1946, бизнесмен и оперный певец, министр внутренних дел в марионеточном правительстве Квислинга) и доложил Гитлеру: «Квислинг убеждён, что существует соглашение между Англией и Норвегией о возможной оккупации Норвегии. В этом случае Швеция также выступит против Германии. Существует весьма реальная опасность, что Норвегия может быть занята Великобританией, возможно, в ближайшее время». Редер предложил Гитлеру встретиться с Квислингом, но предупредил, что «политик вроде Квислинга может преследовать собственные цели, и потому следует проявлять осторожность». Тем не менее Гитлер был впечатлён аргументами Квислинга и распорядился начать подготовку к возможному вторжению в Норвегию, чтобы предотвратить любые действия Великобритании. Одновременно он согласился попытаться использовать и политические методы: группе Квислинга должны были быть

направлены деньги и уголь, а нацистские политические специалисты помочь в реализации его планов по захвату власти в Норвегии.

Планы возможного вторжения обсуждались в течение января и февраля 1940 года. Положение дел и в особенности инцидент с судном *Altmark* показали необходимость действий со стороны Германии. 23 февраля адмирал Редер и Гитлер обсудили наилучшую политику для обеспечения поставок железной руды из Нарвика. Редер отметил, что сохранение норвежского нейтралитета было бы оптимальным вариантом, однако Великобританию нельзя допустить к оккупации Норвегии: «Это было бы необратимо, это повлекло бы усиление давления на Швецию, возможно, распространение военных действий на балтийские воды и прекращение всех поставок руды из Швеции». Хотя германская оккупация Норвегии могла бы временно прервать поставки руды, эти потери были бы предпочтительнее полной их утраты в случае захвата Норвегии Великобританией. Редер добавил: «Если Германия оккупирует Норвегию, она сможет также оказывать сильное давление на Швецию, которая тогда будет вынуждена удовлетворить все наши требования».

(Примечание: Несмотря на эти приготовления, Квислинг так и не был полностью посвящён в немецкие планы. Обещанные Гитлером поставки осуществлялись очень медленно, и о готовящемся вторжении в апреле его заранее не уведомили. В итоге Гитлер вскоре стал отдавать предпочтение военному, а не политическому решению проблемы.)

1 марта Гитлер издал официальную директиву о вторжении в Норвегию и Данию. В ней говорилось:

*Развитие ситуации в Скандинавии требует подготовки к занятию Дании и Норвегии... (операция *Weserübung*). Эта операция должна предотвратить британское проникновение в Скандинавию и Балтийский регион. Кроме того, она должна обеспечить нашу сырьевую базу в Швеции и предоставить флоту и Люфтваффе более выгодные исходные позиции против Великобритании.*

Генералу [фон Фалькенхорсту](#) (Nikolaus von Falkenhorst) было поручено разработать план и возглавить операцию, однако точная дата вторжения тогда ещё не была установлена. Включение Дании в список целей операции *Weserübung* было настоятельно рекомендовано командованием *Люфтваффе*, поскольку захват датских аэродромов позволял сократить расстояние перелётов между Германией и Норвегией. В течение марта планы вторжения дорабатывались с учётом возможных действий союзников на севере. Окончание Зимней войны 12 марта несколько облегчило ситуацию, однако Германия не прекратила подготовку. На совещании у фюрера 26 марта Редер сообщил Гитлеру, что, хотя непосредственной угрозы британской высадки в Норвегии нет, союзники не отказались от своих намерений. Он предсказал:

*Они будут продолжать попытки нарушить германскую торговлю в нейтральных водах и создавать инциденты, возможно, чтобы получить повод для действий против Норвегии. Одной из целей было и остаётся прекращение германского импорта через Нарвик... Рано или поздно Германия будет вынуждена осуществить операцию *Weserübung*.*

Исходя из этого, Редер рекомендовал Гитлеру нанести удар как можно скорее, пока сохраняется достаточной продолжительный отрезок темного времени суток, что должно обеспечить успех операции. Он предложил в качестве даты 7 апреля. Гитлер согласился с необходимостью проведения операции, и 2 апреля была издана директива, согласно которой вторжение в Данию и Норвегию должно было начаться 9 апреля 1940 года в 05.15 утра.

Тем временем Великобритания и Франция искали новые способы помешать поставкам шведской руды в Германию через норвежское побережье. 20 марта бывший германский промышленник Фриц Тиссен сообщил союзникам, что предприятия Рура работают лишь три дня в неделю из-за нехватки сырья. Если перекрыть маршрут через Нарвик, возникающий дефицит сможет серьезно подорвать германские военные усилия. 28 марта на заседании Верховного Военного Совета Союзников/Allied Supreme War Council было решено любой ценой остановить поставки руды. В течение недели планировалось установить минные заграждения в норвежских шхерах, чтобы блокировать вывоз руды из Нарвика, а позднее весной — сбрасывать мины с самолётов у шведского порта Лулео. Одновременно союзники решили осуществить операцию *Royal Marine* - минирование Рейна. Поскольку минирование норвежских вод могло вызвать сопротивление Германии, также планировалось высадить ограниченные силы союзников на отдельных участках норвежского побережья для их защиты. Однако высадка должна была состояться только в случае согласия Норвегии и явных признаков германского военного противодействия.

Операция *Royal Marine* была намечена на 1 апреля, а минирование шхер (операция *Wilfred*) - на 5 апреля. Однако в последний момент Франция отказалась участвовать в первой операции несмотря на протесты Великобритании, и 3 апреля британский военный кабинет перенёс норвежскую операцию на 8 апреля. 5 апреля Норвегии и Швеции были направлены ноты с предупреждением против недружественных действий, но без прямого упоминания о предстоящем минировании. Минирование в районе Нарвика фактически началось 8 апреля в 04.30 утра. В 05.30 британские и французские представители в Осло передали норвежскому министру иностранных дел ноту, в которой сообщалось, что союзники предприняли шаги по минированию важных участков норвежских территориальных вод. Норвегия и Швеция немедленно выразили протест против этого нарушения норвежского нейтралитета. Норвежское правительство потребовало немедленного удаления мин и настаивало на прекращении вмешательства иностранных военно-морских сил в своих водах. Британские войска к этому моменту ещё не были высажены на побережье, хотя несколько подразделений уже находились на борту кораблей в Клайде и были готовы к немедленному выходу в море.

Действия союзников по минированию шхер фактически сыграли на руку Гитлеру. Германское вторжение, уже запланированное на следующий день, теперь можно было представить мировому общественному мнению как необходимую контрмеру для «сохранения» независимости Норвегии от посягательств британцев и французов. Кроме того, вызванное союзнической операцией возбуждение в Норвегии помогло отвлечь внимание норвежских властей от тревожных сообщений, поступавших с различных участков побережья. Норвежское правительство получило несколько предупреждений о надвигающейся опасности, но, по-видимому, никто не воспринял их всерьёз. Очевидно, норвежцы не могли представить, что германское нападение может быть направлено против них. 6 апреля в германском представительстве в Осло был показан фильм для членов норвежского правительства и других приглашённых лиц. Им продемонстрировали наглядный обзор [Польской кампании](#) и [бомбардировки Варшавы](#) с подписью: «За это они могут благодарить своих английских и французских друзей». Судя по всему, фильм был рассчитан как предупреждение скандинавским странам, поскольку в тот же вечер его показали также в германских миссиях в Стокгольме и Копенгагене.

7 апреля подразделения германского флота, которые должны были принять участие во вторжении, вышли из своих портов. Утром 8 апреля в Каттегате была замечена активная морская деятельность, а германские военно-морские силы были замечены движущимися на север. Германский транспорт с войсками был обнаружен [польской подводной лодкой Orzeł](#) в Скагерраке и потоплен торпедой. Немецкие солдаты, покинувшие судно, были спасены норвежским эсминцем и заявили, что направлялись «защищать Берген». В тот же день [британский эсминец Glowworm](#) был потоплен после случайного столкновения с германским соединением, направлявшимся к Норвегии. К этому моменту уже должно было быть очевидно, что началось вторжение, однако реакция как британского, так и норвежского правительства была крайне медленной. Мобилизация войск не была

проведена, и предупреждения командирам норвежских кораблей и береговых укреплений своевременно не поступили.

В 4 часа утра 9 апреля германский посланник в Осло, доктор Бройер, встретился с министром иностранных дел Норвегии доктором Кутом и передал ему меморандум с длинным списком германских требований. В ноте утверждалось, что Германия действует исключительно с целью «защиты» Норвегии от надвигающегося вторжения английских и французских войск и, таким образом, действует «в интересах Норвегии», опережая союзников. Германия, разумеется, ожидала, что норвежцы не окажут сопротивления и будут сотрудничать с германскими властями в установлении контроля над территорией и военными объектами страны. Аналогичные требования были предъявлены Дании. Дания, быстро подавленная превосходящими силами, была вынуждена капитулировать. В Норвегии германские войска [успешно захватили основные морские порты, включая Осло](#), однако норвежское правительство решило сопротивляться германскому ультиматуму и объявило всеобщую мобилизацию.

В тот же день германский посланник в Стокгольме, принц цу Вид, встретился с министром иностранных дел Швеции Гюнтером и передал ему следующую ноту:

Германское правительство ожидает, что Швеция будет соблюдать строжайший нейтралитет и воздержится от любых действий, направленных против германской оккупации Дании и Норвегии, в частности от мобилизации и развертывания войск.

В ноте также подчёркивалась важность продолжения поставок шведской руды и запрашивалось свободное и беспрепятственное использование транспортных путей через Швецию. Шведским военным кораблям рекомендовалось «в их собственных интересах» пока оставаться в пределах трёхмильной зоны. Швеции было гарантировано, что её территориальная целостность не будет нарушена в результате действий против Норвегии и Дании. Шведский кабинет немедленно собрался для обсуждения германских требований и определения дальнейшего курса политики. Поздно днём 9 апреля Гюнтер вновь принял германского посланника и передал следующий ответ:

Шведское правительство намерено придерживаться политики нейтралитета, которую оно уже неоднократно провозглашало в ходе настоящей войны. Оно должно сохранить полную свободу принимать все меры, которые сочтёт необходимыми для сохранения и защиты этого нейтралитета.

Однако Швеция не намеревалась предпринимать действия, которые могли бы привести к конфликту с Германией, и стремилась по возможности учитывать требования, изложенные в германском меморандуме. Курс шведской политики определялся обстоятельствами вторжения в Норвегию, а не какой-либо симпатией к действиям Германии. Во время Советско-Финской войны Швеция оказывала значительную помощь Финляндии, но ситуация с Норвегией была иной. Это уже был эпизод общего конфликта между Германией и западными державами, и любое вмешательство могло быть расценено как вступление Швеции в войну. Хотя шведы испытывали сильное желание помочь Норвегии, единственно возможным официальным курсом оставался строгий нейтралитет. Тем не менее с самого начала вторжения и в ходе последующих боевых действий в Норвегии на Швецию оказывалось сильное давление с обеих сторон с целью добиться уступок, нарушающих нейтралитет. Когда германские войска вторглись в Норвегию 9 апреля, их командиры получили приказ не допустить бегства [короля Хокона](#) и членов правительства. 12 апреля король был вынужден бежать к шведской границе, чтобы избежать германских бомбардировок. Он вернулся в Норвегию спустя полчаса, однако часть его окружения осталась в Швеции. Министр иностранных дел Кут провёл там два дня и за это время организовал работу норвежской дипломатической службы в новых условиях.

Норвежское представительство в Стокгольме вскоре стало центром сопротивления, где предпринимались попытки координировать действия различных сил, сражавшихся в Норвегии. Из представительства норвежские чиновники могли поддерживать телефонную связь с военным руководством на родине, а также с дипломатическими миссиями в других странах. 17 мая шведское правительство разрешило норвежским эмигрантам провести торжественную службу в одной из стокгольмских церквей в честь национального праздника Норвегии. Несмотря на эти уступки, многие просьбы норвежской стороны были отклонены. Когда председатель стортинга [Карл Йоаким Хамбро](#) (Carl Joachim Hambro) хотел выступить по радио из Стокгольма 11 апреля от имени короля Хокона, германское правительство оказало давление на Швецию, чтобы предотвратить это выступление. [Риббентроп](#) (Joachim von Ribbentrop) сообщил шведскому представителю, что Германия ожидает «лояльной позиции Швеции», и что радиовыступление не соответствует этому принципу. Государственный секретарь фон Вайцеккер также поручил германскому посланнику в Стокгольме «добиться запрета этого выступления». Эти предупреждения оказались достаточными, и в последний момент Хамбро было запрещено выступать.

Шведское правительство столь же холодно относилось и к норвежским солдатам, вынужденным пересекать границу. Такие лица немедленно интернировались шведскими властями, хотя впоследствии многим из них позволяли бежать в Великобританию. Правительство также не разрешало набор добровольцев для участия в боевых действиях на стороне Норвегии, что резко контрастировало с его позицией во время Зимней войны. Многие норвежцы испытывали особое озлобление из-за позиции Швеции в вопросах снабжения сражающихся норвежских войск. Шведское правительство отказалось продавать норвежцам оружие и боеприпасы, а также не разрешило транзит военных материалов, закупленных в других странах, через свою территорию в Норвегию. Крупная партия боеприпасов из района Финнмаркена на севере Норвегии была конфискована шведскими властями, когда норвежское правительство попыталось переправить её через Швецию войскам, сражавшимся под Нарвиком. В отношении Германии Швеция, напротив, проявляла значительно большую уступчивость. Вскоре после начала вторжения немцы пожаловались, что им мешает затемнение шведских маяков вдоль побережья. Под давлением германского министерства иностранных дел шведское правительство быстро распорядилось вновь включить огни. 19 апреля король Густав V лично написал Гитлеру, заверив его в нейтральных намерениях Швеции. Ответ фюрера был весьма любезным: он сообщил, что вторжение в Норвегию было навязано действиями Великобритании и Франции, пытавшихся перекрыть поставки шведской руды в Германию и что он не намерен распространять конфликт на остальную Скандинавию. Он также намекнул на возможность будущего политического и экономического переустройства Балтийского региона, выгодного обеим сторонам. Сообщалось, что и король Густав, и министр иностранных дел Гюнтер были весьма довольны ответом Гитлера. У последнего были основания стремиться к расположению шведского руководства, поскольку между двумя странами в это время велись важные экономические и политические переговоры, исход которых во многом зависел от доброй воли и сотрудничества Швеции.

12 апреля премьер-министр Швеции Пер Альбин Ханссон выступил с радиоречью, заявив:

Несовместимо со строгим нейтралитетом позволять какой-либо воюющей стороне использовать территорию Швеции для своей деятельности. К счастью, никаких требований такого рода к нам не предъявлялось. Если же такие требования будут предъявлены, они должны быть отвергнуты.

Однако речь Ханссона не вполне соответствовала действительности. Уже 11 апреля начальник штаба сухопутных войск Германии [генерал Гальдер](#) (Franz Halder) записал в своём дневнике, что Германия «официально обратилась к Швеции с просьбой разрешить использование шведских железных дорог в связи с нашей оккупационной операцией». Германское правительство стремилось организовать транспортировку через Швецию военных грузов для войск в Нарвике и Тронхейме, а также рассчитывало получить разрешение на транзит в Нарвик некоторых невоенных грузов: продовольствия, одежды,

медицинских принадлежностей и персонала. После обсуждения шведское правительство отказалось разрешить перевозку военных материалов и войск, поскольку это означало бы нарушение нейтралитета. Однако остальные просьбы встретили более благожелательное отношение. 17 апреля кабинет согласился разрешить транзит невоенных грузов и медицинского персонала, подчеркнув, что эта уступка должна рассматриваться как «исключительный случай».

18 апреля Германия запросила разрешение на транзит через Швецию примерно шестисот торговых моряков, оказавшихся в Нарвике в результате вторжения. Это также было одобрено, и с 21 по 23 апреля эти люди были перевезены через Швецию. Согласно записке сотрудника германского МИДа Брунхоффа (Brunhoff), среди этих «торговых» моряков находились и некоторые военно-морские служащие. Тем временем 20 апреля из Германии в Нарвик отправился поезд с 40 сотрудниками медицинской службы и невоенными грузами, в том числе, медикаментами и продовольствием для войск, находившихся в районе Нарвика. В то же время Гюнтер предупредил германское правительство, что такие перевозки не могут рассматриваться как обычная практика, и выразил обеспокоенность объёмами поставок. Тем не менее 28 апреля Швеция одобрила ещё один германский запрос - на транзит раненых из Нарвика в Германию.

Параллельно с этими переговорами велись и общие экономические консультации. Швеция добивалась увеличения поставок угля из Германии и безопасного прохода через контролируемые Германией воды для шведских торговых судов, находившихся в британских портах. Особое значение для Швеции имела поставка заказанного в Германии вооружения, сильно задержанного к тому времени. Именно этот вопрос германская сторона использовала как средство давления в переговорах. По предложению германской миссии в Стокгольме Риббентроп согласился разрешить дополнительные поставки вооружения Швеции при условии, что шведское правительство согласится на транзит германских вооружений и боеприпасов через свою территорию в Нарвик и Тронхейм. Швеция уже отклоняла подобную просьбу, однако Германия надеялась, что она пересмотрит свою позицию. Чтобы облегчить достижение соглашения, Риббентроп направил германским представителям список возможных поставок в случае согласия Швеции. Германия была готова предоставить:

1. 2 850 пулемётов с 38 миллионами патронов (1 500 в мае, остальные в июне);
2. 24 000 снарядов для гаубиц — немедленно;
3. 30 20-мм морских зенитных орудий с боеприпасами — немедленно;
4. 200 противотанковых орудий калибра 3 и 7 см с 500 снарядами на каждое;
5. 1 000 пистолетов в июне;
6. возможность поставки дополнительных 20-мм зенитных орудий и 100 000 винтовочных стволов.

Были также предложены различные способы обойти шведские возражения, связанные с нейтралитетом. Например, тяжёлую артиллерию не предполагалось перевозить, а сами перевозки должны были быть максимально незаметными. Риббентроп даже предложил такую схему:

Германия готова официально продать Швеции оружие, транзита которого она добивается, вместе с тем оружием, которое предназначено для самой Швеции, при условии, что Швеция немедленно перепродаст его обратно Германии и обязуется доставить его в указанный Германией пункт.

Однако он добавил, что этот вариант будет рассматриваться лишь после получения результатов текущих переговоров. 7 мая в шведском МИДе состоялась встреча представителей шведского правительства и Германии. Государственный секретарь Швеции Эрик Бохеман (Erik Carlsson Boheman, 1895-1979) сообщил германскому посланнику, что Швеция никогда не разрешала транзит вооружений через свою

территорию, за исключением периода Советско-Финской войны, когда её политика не была строго нейтральной. В текущей же войне шведская позиция чётко определена, и любые подобные уступки Германии означали бы нарушение нейтралитета. Поэтому шведское правительство не желает далее обсуждать этот вопрос. Поезд с невоенными грузами, направленный в Нарвик, был исключительным случаем и не создавал прецедента, хотя Бохеман добавил, что «ничто не препятствует отправке отдельных вагонов и единичных грузов в рамках обычного международного железнодорожного сообщения».

После срыва переговоров Германия ввела эмбарго на поставки вооружений в Швецию. Даже ранее обещанные поставки были приостановлены как средство давления. В середине мая германское правительство попыталось возобновить переговоры по вопросу транзита. 16 мая шведский посланник в Берлине Арвид Рихерт (Arvid Richert, 1887-1981) встретился с Риббентропом, а на следующий день обсудил новые требования с фон Вайцзеккером. Германия добивалась разрешения на отправку трёх специальных поездов в Нарвик с боеприпасами, артиллерией и другим военным снаряжением. Также была подана просьба разрешить возвращение в Германию через Швецию экипажей германских эсминцев, потопленных у Нарвика. Рихерт немедленно вылетел в Стокгольм с этими требованиями. Шведское правительство согласилось пропустить через свою территорию около 2 000 человек из состава экипажей эсминцев, но вновь отказалось разрешить транзит вооружений. На этот раз его позиция аргументировалась не только нейтралитетом, но и тем, что подобные действия могли бы ухудшить отношения Швеции с норвежским народом. Ранее Швеция уже отказала Норвегии в поставках военных материалов, и в данных условиях считала невозможным разрешить такие поставки Германии. Также было решено сократить число медицинского персонала (почти 300 человек), ранее пропускаемого через Швецию.

Помимо вопроса транзита, Германия обсуждала со Швецией и другие темы в период боёв в Норвегии. В начале июня шведский флот согласился сотрудничать в установке противолодочных сетей в проливе Эресунн/Øresund, включая участки, находящиеся в шведских территориальных водах. Сети были установлены 4 июня германским военно-морским персоналом, переодетым в гражданскую одежду и использовавшим германское оборудование.

В это время внимание Германии было сосредоточено на Нарвике, который 28 мая был [занят союзными войсками](#). Цель союзнической операции заключалась не только в возвращении контроля над Норвегией, но, по словам генерала Исмея (Hastings Ismay, 1887-1965), «в захвате города и установлении контроля над железной дорогой к шведской границе. Это позволило бы нам, при необходимости, ввести войска в район рудников Елливаре, обладание которыми является главной целью всей операции в Скандинавии». В районе Тронхейма в центральной Норвегии также происходили высадки союзников. Первоначальная реакция германской стороны на эти события отражена в воспоминаниях вице-адмирала [Фридриха Руге](#) (Friedrich Oskar Ruge). По его словам, Гитлер «крайне пессимистично оценил ситуацию и даже приказал [генералу Дитлю](#) (Eduard Wohlrath Christian Dietl) разрешить его войскам интернироваться в Швеции». Однако приказ не был передан из-за действий одного из офицеров штаба [OKW](#), который остановил отправку радиосообщения.

Шведское правительство также опасалось возможности британской оккупации северной Норвегии. После германского вторжения 9 апреля в Швеции была проведена мобилизация, и дополнительные силы были размещены на севере для предотвращения захвата рудных районов любой из сторон. В середине мая, когда положение Норвегии стало критическим, представители норвежского и шведского правительств встретились в Стокгольме и разработали план: объявление перемирия в северной Норвегии, эвакуация войск обеих сторон и последующая оккупация региона шведскими силами.

Норвежское правительство сначала надеялось, что успехи британцев позволят избежать такого шага, однако вскоре стало ясно, что ситуация во Франции может вынудить

британцев эвакуировать войска из Нарвика. В начале июня этот план неоднократно обсуждался с германскими и британскими представителями, но Германия не давала определённого ответа. 3 июня министры иностранных дел Норвегии и Швеции встретились в Лулео и разработали детальный проект перемирия. Однако к этому времени стало очевидно, что британцы не смогут долго удерживать Нарвик. Когда шведский представитель изложил план фон Вайцзеккеру, тот выразил сомнение в его реализуемости и передал вопрос Риббентропу, который решил затянуть рассмотрение. 8 июня британские войска эвакуировали Нарвик, а 10 июня оставшиеся норвежские силы капитулировали.

С окончанием боевых действий Германия стала доминирующей силой в Скандинавии. Цели Гитлера - контроль над поставками шведской руды и над морскими путями её доставки - были достигнуты. Союзники оказались [в обороне во Франции](#), и в ближайшее время не ожидалось их крупного наступления на германские позиции в Норвегии. Хотя Швеция оставалась неоккупированной и формально независимой, она оказалась отрезанной от Запада территориями, контролируемыми Германией. Швеция стала зависимой от Германии в вопросах жизненно важного импорта и потому не могла противостоять германским требованиям. В течение примерно следующих трёх лет, вплоть до перелома в войне в 1943 году, Гитлер использовал это положение, вынуждая Швецию идти на уступки, которые фактически отходили от политики нейтралитета и превращали её в невольного участника германской политики завоеваний.

ПЕРИОД УСТУПОК

После окончания боевых действий в Норвегии Германия оказалась в положении, позволяющем оказывать давление на шведское правительство с целью добиться уступок, явно противоречивших нейтральному статусу Швеции. 13 июня 1940 года, всего через три дня после капитуляции Норвегии, глава Верховного Командования Вермахта генерал [Кейтель](#) (Wilhelm Keitel) направил Риббентропу сообщение с просьбой возобновить переговоры о дополнительных транзитных уступках через территорию Швеции. В послании отмечалось:

Крах норвежского сопротивления, по мнению Верховного Командования Вермахта, устраняет все предлоги, которыми шведы до сих пор оправдывали отказ удовлетворить германские требования. С другой стороны, наша потребность в перевозках остаётся, поскольку воздушный путь позволяет перевозить лишь небольшие грузы и, как и морской, подвержен противодействию противника.

15 июня шведскому посланнику в Берлине Рихерту был передан список конкретных требований, составленный Кейтелем. Германия просила разрешения на транзит через Швецию различных грузов, включая оружие и боеприпасы, к германским базам в Норвегии. Особое значение придавалось поставкам в Нарвик из-за его изолированного, но стратегически важного положения, однако также требовались поставки в Тронхейм и Осло. Кроме того, Германия добивалась разрешения на проезд военнослужащих вермахта через Швецию, как «при исполнении служебных обязанностей», так и во время отпусков. Кейтель утверждал, что капитуляция Норвегии изменила положение Швеции и уменьшила необходимость строго соблюдать нейтралитет, и Риббентроп пытался внушить эту точку зрения шведскому представителю. 17 июня Рихерт вылетел в Стокгольм, чтобы передать требования германской стороны, а 19 июня вернулся в Берлин с ответом, который Кейтель и ожидал. Шведское правительство стремилось заверить Риббентропа, что не будет препятствовать транзиту военных грузов через свою территорию. При этом подчёркивалось, что в соответствии с шведскими правилами каждый случай транзита военных материалов требует специального разрешения. Однако это не означало проведения отдельного расследования: речь шла скорее о формальности, чтобы заранее уведомлять шведские власти и обеспечивать быстрый пропуск грузов. Швеция также была готова согласиться на транзит военнослужащих между Германией и различными базами в Норвегии.

В период с 19 июня по 8 июля детали соглашения обсуждались посредством обмена нотами и встреч между представителями двух стран. Уже в ходе переговоров еженедельно перевозилось по 150 отпускников между Нарвиком и Германией, а также два специальных поезда в неделю перевозили военнслужащих между Корншё/Kornsjo (пограничная станция юго-восточнее Осло) и Германией. 8 июля 1940 года было подписано транзитное соглашение. Швеция в значительной степени уступила требованиям Германии, стараясь при этом сохранить хотя бы видимость нейтралитета. Шведское правительство разрешало транзит грузов для Вермахта, включая военные материалы, через свою территорию из Германии в Норвегию. Германия обязалась заранее уведомлять Швецию о таких перевозках и получать соответствующее разрешение. Швеция также разрешила перевозку военнслужащих в форме через свою территорию, как поодиночке, так и группами. В последнем случае шведские власти должны были быть заранее уведомлены для организации перевозки. Офицерам разрешалось сохранять при себе пистолеты, тогда как солдатам позволялось иметь только штыки. Остальное оружие (винтовки, пистолеты и др.) перевозилось отдельными поездами. Министр иностранных дел Гюнтер выражал обеспокоенность возможными британскими бомбардировками железнодорожных линий, используемых для транзита, и пообещал усилить противовоздушную оборону вдоль этих маршрутов. Дальнейшие детали транзита уточнялись дополнительными соглашениями. Один поезд в каждом направлении должен был перевозить отпускников между Нарвиком и Треллеборгом/Trelleborg - южным портом Швеции, откуда они отправлялись в Германию. 14 сентября это было расширено до двух поездов в неделю на группу из 500 человек, отправляющихся в отпуска, а затем количество увеличили до трёх в неделю. Сообщение между Корншё и Треллеборгом также продолжалось — по одному поезду ежедневно в обоих направлениях направлении на каждые 500 человек, а затем (в сентябре) — на каждые 1 000 человек.

Швеция исходила из того, что общее число германских войск в Норвегии не должно увеличиваться в результате этих перевозок: количество прибывающих солдат не должно превышать число возвращающихся. Тем не менее Гюнтер согласился на ежедневное движение поездов, несмотря на недовольство риксдага и собственное убеждение, что «регулярное движение германских военных поездов по территории Швеции... несовместимо с попытками сохранить хотя бы внешнюю видимость нейтралитета». В этом вопросе давление Германии оказалось сильнее сопротивления Гюнтера. Помимо перевозки войск между Германией и Норвегией существовал также так называемый «подковообразный маршрут». Поскольку железная дорога между Тронхеймом и Нарвиком проходила через шведскую территорию, перевозка немецких войск между этими пунктами осуществлялась через Швецию - от станции Сторлиен/Storlien до Риксгрэнсена/Riksgransen. По этому маршруту проходило два поезда в неделю в каждом направлении. Немцы широко использовали предоставленные им уступки: к концу 1940 года через Швецию было перевезено 133 135 человек из Норвегии и 123 105 в Норвегию, хотя часть этого движения могла быть связана с рождественскими отпусками. Значительное количество германского военного имущества также было отправлено в Норвегию: к декабрю через Швецию прошло 450 вагонов с военными грузами.

Параллельно с обсуждением транзита германские и шведские представители вели переговоры по вопросам судоходства и торговли. Соглашение о морских перевозках, подписанное 20 июня 1940 года, предусматривало доставку в Швецию германского угля. Уголь должен был перевозиться на тех же шведских судах, которые использовались для доставки железной руды из Лулео в германские порты. Это позволяло освободить германский флот для других задач. Другие экономические переговоры, продолжавшиеся до 10 июля, касались клиринговых расчётов, необходимых для расширения торговли между Германией и Швецией в 1940 году. Один из аспектов соглашения касался ожидаемого роста стоимости шведского экспорта в Германию: сохранялась система ценообразования, при которой стоимость некоторых товаров, импортируемых из Германии, зависела от стоимости шведской железной руды для Германии. Эта схема распространялась на поставки угля и кокса, что позволяло Германии извлекать выгоду из роста цен. Шведские переговорщики стремились обеспечить стабильные поставки угля и

кокса; в итоговом соглашении Германия обязалась поставить в 1940 году 17 000 000 тонн угля и 1 700 000 тонн кокса. Германия также увеличивала экспорт в Швецию машин и химической продукции. В свою очередь, Швеция соглашалась увеличить поставки в Германию ферросиликата и чугуна, а также поставлять определённые объёмы стали, древесины, целлюлозы и руд свинца и цинка.

В конце июня, когда переговоры о транзите и экономическом сотрудничестве шли успешно, германское министерство иностранных дел подняло вопрос о возобновлении поставок вооружений в Швецию. Эти поставки были прекращены в начале мая после отказа Швеции идти на широкие уступки. Теперь же, учитывая более гибкую позицию шведов, возникли серьёзные основания для снятия эмбарго. В меморандуме МИД от 25 июня отмечалось:

Помимо весьма уступчивой позиции шведского правительства в последних экономических переговорах, возобновление поставок военных материалов необходимо для финансирования германского импорта руды и других жизненно важных сырьевых ресурсов из Швеции.

27 июня министерство иностранных дел было уведомлено о решении Гитлера разрешить возобновление поставок вооружений в Швецию. 14 декабря 1940 года было подписано новое экономическое соглашение, регулирующее торговлю между Германией и Швецией на 1941 год. Объёмы поставок германского железа, кокса и угля, а также шведской железной руды сохранялись на уровне предыдущего года. Однако цены на германские товары увеличивались на 15–20%, тогда как цена шведской руды оставалась на уровне 1940 года.

Помимо торговли с Германией, Швеция сохраняла экономические связи со странами оккупированной Европы и другими государствами континента. 5 апреля 1941 года было заключено соглашение с германскими властями в Норвегии: Швеция обязалась поставить 10 000 тонн зерна в обмен на рыбу и некоторые металлы, включая алюминий. В 1940-1941 годах Швеция также подписала торговые соглашения с Данией, Голландией, Бельгией и Венгрией. За пределами оккупированных территорий Швеция вела торговые переговоры с Финляндией, Турцией, Испанией и Советским Союзом. В мае 1940 года соглашение с СССР предусматривало поставки в Швецию «российской нефти и низкосортного бензина», в обмен на что Швеция должна была доставлять аналогичные американские товары во Владивосток.

Несмотря на изоляцию, Швеция сохраняла ограниченные торговые отношения с Великобританией после норвежской кампании. Большая часть переговоров велась через Совместный Постоянный Комитет/Joint Standing Committee, в который входило равное число представителей Великобритании и Швеции. Другие союзные страны также могли участвовать в его работе (например, США с 1942 года). Комитет занимался многими вопросами торговли, в том числе: (1) рассмотрением индивидуальных заявок фирм на импорт и экспорт вне рамок соглашений о военной торговле; (2) после введения квот - рассмотрением заявок на операции, не предусмотренные квотами. Иногда деятельность комитета использовалась для того, чтобы удерживать шведскую торговлю под контролем союзников. Британцы особенно опасались, что сырьё, импортируемое в Швецию, может затем быть реэкспортировано в германскую сферу влияния либо в исходном виде, либо в виде готовой продукции. Поэтому они пытались оказывать давление на шведское правительство, чтобы ограничить подобную практику.

Серьёзной проблемой была транспортировка грузов между Швецией и Западом. Весной 1940 года, когда германская блокада перекрыла морские пути, Швеция передала значительную часть своего торгового флота Великобритании. В течение оставшейся части года товары из западных стран поступали в Швецию через Петсамо и Владивосток. 9 декабря 1940 года было подписано соглашение, предусматривающее ограниченное судоходство между Великобританией и шведским портом Гётеборг. Оно предусматривало,

что «ежемесячно четыре судна могут входить и выходить из порта, но ни одно судно не может войти, если соответствующее судно не покинет порт». Суда должны были следовать строго определёнными маршрутами и не подчиняться германскому контролю контрабанды. Поскольку эти маршруты проходили через воды, контролируемые Германией, Швеции необходимо было получить согласие германского правительства. 7 февраля и 5 марта 1941 года между Стокгольмом и Берлином произошел обмен нотами, в которых Германия согласилась на ограниченное судоходство между Швецией и Западом. В Гётеборге должен был быть создан германский контрольный пункт, при условии, что шведские морские власти будут предоставлять ему информацию о прибытии и отправлении судов, а также о характере их грузов.

Соглашение о судоходстве действовало успешно до начала апреля, когда Германия расширила зону своих операций, включив в неё воды, омывающие Исландию. Немцы настаивали, чтобы шведские суда следовали курсом между Исландией и Фарерскими островами, тогда как британцы требовали прохождения через Фарерские острова и Скапен-фьорд. В результате на несколько месяцев движение по «гётеборгскому маршруту» было приостановлено. С 4 по 8 июля в Берлине проходили германо-шведские переговоры по этому вопросу. Германия согласилась разрешить возобновление движения и проход судов через Фарерские острова, но предупредила:

В пределах зоны, ограниченной кругом радиусом 60 морских миль с центром в Скапене, движение осуществляется исключительно на риск Швеции... Германия не может гарантировать безопасность прохода судов через свою зону военных операций.

Пять шведских судов, находившихся в американских портах, должны были направиться в Гётеборг по этому маршруту. Швеция согласилась не загружать и не разгружать суда в районе Фарерских островов и ограничить дальнейшие рейсы через германскую зону максимумом «два раза в месяц в каждом направлении». Хотя «гётеборгский маршрут» прежде всего был выгоден Швеции, Германия также имела основания поддерживать его функционирование. В сентябре 1941 года германский посланник в Швеции отмечал, что этот маршрут повышает способность Швеции осуществлять поставки в Германию и Финляндию. Кроме того, Германия не хотела подвергать риску свои торговые соглашения со Швецией, создавая инциденты, которые могли бы вызвать давление общественного мнения и привести к сокращению шведских уступок. На совещании у Гитлера 17 сентября было объявлено:

Во всей (расширенной) зоне блокады: все торговые суда могут быть атакованы без предупреждения, за исключением шведских судов, в соответствии с особым соглашением со Швецией.

Осенью 1940 года внимание северного региона было сосредоточено на проекте союза между Швецией и Финляндией. После окончания Зимней войны между СССР и Финляндией, ещё до вторжения в Норвегию, обсуждалась идея оборонительного союза между Норвегией, Швецией и Финляндией. Однако она была отложена после давления со стороны Советского Союза, который указал, что статья III мирного договора запрещает Финляндии вступать в союзы, направленные против СССР. Тем не менее в октябре 1940 года интерес к северному союзу возобновился, когда Швеция начала переговоры с Финляндией. На этот раз шведы предложили не только военный, но и политический союз, что могло иметь далеко идущие последствия для всего региона. При этом шведское правительство подчёркивало, что не поддержит «войну реванша» против СССР и рассчитывает, что умеренность Швеции поможет смягчить отношение Советского Союза к возможному союзу с Финляндией.

(Вот что писал по этому поводу Маннергейм: «Вето, наложенное Советским Союзом оказалось ошибкой [с его стороны]. Как показали дальнейшие события, срыв союза сыграл на руку Гитлеру, поскольку его нападение на Скандинавию не встретило объединённого

сопротивления Швеции и Норвегии. Есть сомнения в том, решился бы Гитлер на вторжение в Норвегию, если бы знал, что это приведёт к открытому конфликту со Швецией и Финляндией. Оборонительный союз автоматически поставил бы нас в лагерь противников Германии. Связанная оборонительной политикой Швеции и Норвегии, Финляндия, несмотря на потери, могла бы гарантировать безопасность Ленинграда».)

Германское правительство решило действовать в этом вопросе сдержанно. 7 ноября в германское представительство в Швеции была направлена инструкция: «Министр иностранных дел просит вас пока полностью воздерживаться от участия в любых планах сближения между Финляндией и Швецией».

5 декабря шведский исследователь и самопровозглашённый дипломат [Свен Хедин](#) (Sven Anders Hedin) встретился с Гитлером в Берлине и попытался убедить его в целесообразности финско-шведского союза. Когда Гитлер заметил, что мирный договор с СССР исключает такую возможность, Хедин предложил вариант тайного соглашения. Это вызвало резкую реакцию Гитлера, который указал:

Даже самые секретные соглашения рано или поздно становятся известны... Любой шаг в этом направлении вызовет беспокойство у России, и Москва воспримет это как провокацию... Я советую Финляндии строго соблюдать Московский мирный договор и не предпринимать ничего, что могло бы вызвать новые недоразумения.

В конечном итоге именно Советский Союз взял на себя инициативу по срыву проекта союза. В декабре Молотов дважды встречался с финским представителем в Москве и вновь подтвердил советскую позицию, направленную против северного блока, заявив, что он противоречит условиям мирного договора. Одновременно он дал понять и шведскому правительству серьёзность этих предупреждений. Под давлением СССР и при отсутствии поддержки со стороны Германии проект союза был окончательно оставлен.

Как Гитлер дал понять Хедину, осложнение ситуации на севере, которое могло бы вызвать недовольство СССР, в тот момент не соответствовало его планам. В декабре 1940 года он уже готовил директивы для операции *Барбаросса* - нападения на Советский Союз - и не хотел действовать в условиях напряжённых отношений с Москвой. У Гитлера были собственные планы в отношении Швеции и Финляндии, которых он рассчитывал привлечь на свою сторону в предстоящей войне против СССР. 18 декабря была издана директива № 21 (*Барбаросса*), в которой определялась роль обеих стран. Согласно этому документу, Финляндия должна была действовать совместно с германскими войсками, перебрасываемыми из Норвегии через территорию Швеции, с использованием её шоссейных и железных дорог, которые, как надеялся Гитлер, будут ему предоставлены. Планируя операцию *Барбаросса*, Гитлер рассчитывал использовать традиционное недоверие Швеции к Советскому Союзу, а также стремление Финляндии вернуть территории, утраченные в ходе Зимней войны. 3 февраля на совещании германского оперативного штаба генерал Гальдер изложил план переброски полутора дивизий из Норвегии в северную Финляндию при условии согласия Швеции. Гитлер при этом добавил:

Швеция примет участие, за что ей будут переданы ей Аландские острова. Шведско-финский союз рассматриваться не будет, поскольку он не вписывается в новый порядок Европы.

В первом квартале 1941 года количество германских военнослужащих, направлявшихся через Швецию на север в соответствии с транзитным соглашением, возросло пропорционально числу возвращающихся на юг. По-видимому, Германия усиливала свой гарнизон в Норвегии. 1 марта Гюнтер выразил протест министру цу Виду, заявив, что «перевозка германских войск в направлении с юга на север превышает допустимые нормы». 14 марта, в ответ на германскую просьбу, Гюнтер согласился возобновить обсуждение условий транзита.

В рамках подготовки нападения на Советский Союз Германия планировала задействовать две дивизии в центральной Финляндии. В меморандуме от 19 марта германский представитель по транзитным переговорам, посол Риттер, писал:

Эти две дивизии должны быть переброшены через Швецию по железной дороге в Финляндию, в район к северу от Ботнического залива. Там они соединятся с одной или двумя финскими дивизиями... В целях сокрытия истинных целей шведам следует сообщить, что горные дивизии, находящиеся сейчас в северной Норвегии, будут позднее выведены морем, поскольку они нужны в другом месте. На их место, как уже указано, будут переброшены две пехотные дивизии по железной дороге через Швецию, при этом решение о дальнейшем перемещении через Финляндию - автотранспортом по Арктической дороге или частично через Нарвик по шведской железной дороге - будет принято позднее.

Переговоры должны были немедленно начаться в Стокгольме под руководством [Карла Шнурре](#) (Karl Schnurre), который ранее сыграл важную роль в получении первоначальных транзитных уступок. 21 марта германское представительство в Стокгольме сообщило, что Гюнтер отказал в разрешении на переброску крупного германского контингента по шведским железным дорогам, предложив вместо этого использовать шведские территориальные воды. Он настаивал, что Швеция не ощущает угрозы от германских подкреплений, однако подчеркнул: «Для Швеции важно соблюдение равенства железнодорожных перевозок в обоих направлениях». Односторонние перевозки, о которых просили немцы, противоречили условиям транзитного соглашения. Это решение Гюнтера, безусловно, было связано с критикой политики правительства, появившейся в шведской прессе. После 23 марта объёмы германских перевозок в Норвегию через Швецию были сокращены до уровня, более соответствующего условиям договора.

В апреле различные германские представители пытались выяснить возможность активного участия Швеции в случае возобновления советско-финского конфликта. 23 апреля германский военный атташе беседовал с полковником Кельгреном (Kellgren), возглавлявшим шведское бюро связи с иностранными военными атташе. Кельгрэн «заверил его, что в случае нового советского нападения на Финляндию Швеция окажет ей активную помощь». Однако ситуация была бы более сложной в случае войны между Германией и СССР, хотя шведские военные учитывали такую возможность. Шведское правительство, в отличие от военных, занимало более осторожную позицию. Доклад атташе был внимательно изучен государственным секретарём фон Вайцзеккером, который согласился, что вмешательство Швеции более вероятно в случае, если Финляндия будет атакована первой. Он сформулировал это так:

Пока шведские политики считают, что мы ставим их перед выбором между Берлином и Лондоном, у неё возникают серьёзные внутренние трудности... Однако если мы поставим Швецию перед выбором между Берлином и Москвой, её решение будет очевидным. Поэтому, вероятно, легче и успешнее вести переговоры со Швецией в военной сфере, чем в общей политической.

25 апреля германский посланник в Финляндии Блюхер сообщил, что министр иностранных дел Гюнтер направляется в Хельсинки для переговоров с финским руководством. Предполагалось, что он попытается отговорить Финляндию от военного союза с Германией и что Швеция не окажет активной поддержки Финляндии, если та сама не станет жертвой советского нападения.

С апреля по июнь Германия продолжала оказывать давление на Швецию, стремясь добиться уступок, необходимых для предстоящего вторжения в СССР. О масштабах ожидаемых уступок можно судить по директиве Верховного командования вермахта от 17 июня, касающейся предполагаемой роли Швеции в операции *Барбаросса*. Швеция не должна была непосредственно участвовать в войне, однако предполагались далеко

идущие уступки. В директиве исходили из того, что Швеция разрешит переброску одной германской дивизии через свою территорию на финский фронт, а также продолжит транзит между Тронхеймом и Нарвиком. Кроме того, Швеция должна была предоставить моторизованный транспорт и обеспечить безопасный проход грузов через свои территориальные воды в Финляндию. Германия планировала направить в Швецию специалистов по транспортировке сразу после начала боевых действий для координации совместных перевозок. Также предполагалось, что Швеция предоставит доступ к своей системе коммуникаций, разрешит пролёты германской авиации над своей территорией и обеспечит условия для аварийных посадок. В директиве рассматривались и вопросы снабжения. Ожидалось, что Швеция разрешит Германии и Финляндии закупать у нее автомобили, а также предоставит другие ресурсы от оружия и боеприпасов до продовольствия. Предполагалось, что Швеция создаст на севере страны склад бронетехники для Вермахта.

Германское командование также предполагало, что Швеция проведёт мобилизацию в начале войны, но рассчитывало, что это не помешает германским перевозкам. Напротив, ожидалось, что шведские войска будут обеспечивать защиту германских транспортов на своей территории. Шведский флот должен был сотрудничать в постановке минных заграждений и защите побережья. Швеция должна была предоставлять Германии метеорологическую информацию, но не передавать её Советскому Союзу. Маяки на побережье должны были быть включены для облегчения навигации, а также обеспечивалось освещение для нужд авиации. Самолёты и экипажи, совершившие вынужденную посадку на территории Швеции, не подлежали интернированию - напротив, шведская сторона должна была помогать в ремонте машин и возвращении людей.

Таковы были ожидания Германии к 22 июня, когда войска Вермахта пересекли границу Советского Союза. В тот же день германская сторона представила министру иностранных дел Гюнтеру список военных требований, которые он пообещал немедленно передать правительству. Главным пунктом, выдвинутым совместно Германией и Финляндией, было разрешение на переброску одной полностью вооружённой германской дивизии из Осло через территорию Швеции в Финляндию. Гюнтер, при активной поддержке короля Густава V и премьер-министра Ханссона, пытался убедить кабинет удовлетворить германские требования. Шведское правительство оказалось расколотым по этому вопросу, и едва не разразился политический кризис, который был предотвращён лишь тогда, когда король пригрозил отречением в случае отказа. 25 июня принц цу Вид был уведомлён королём, что транзит одной дивизии будет разрешён. При этом подчёркивалось, что это *разовая уступка*, которая не должна повториться. В тот же день поезд с дивизией генерала Энгельбрехта (Erwin Engelbrecht, 1891-1964) вышел из Осло и 26 июня пересёк шведскую границу.

Пока шли эти переговоры, Финляндия подвергалась повторяющимся советским провокациям. 26 июня советская авиация бомбила финские порты и аэродромы, после чего Финляндия вновь объявила войну СССР. Вступление Финляндии в войну было использовано Швецией как оправдание предоставленной Германии транзитной уступки. В тот же день в *The New York Times* было опубликовано заявление представителя шведского правительства, который отметил, что решение о транзите учитывало «особые отношения» между Швецией и Финляндией. Он утверждал, что в данном случае Швеция действует более нейтрально, чем в период Зимней войны, однако позже признал, что эта уступка представляет собой «незначительное отклонение от нейтралитета». Он также отрицал, что Германия требовала создания баз в Швеции или сотрудничества со стороны шведского флота. Несмотря на попытки Швеции минимизировать значение оказанной помощи, германские документы дают несколько иную картину. 27 июня германское представительство сообщало: «Переброска снабжения в Финляндию в максимально возможных масштабах одобрена шведским правительством... В настоящее время ускоренно организуется маршрут через шведские железные дороги к портам Евле/Gävle и Сундсвалль/Sundsvall на Ботническом заливе». Оттуда грузы должны были доставляться морем в Финляндию.

К концу июня были заключены соглашения, по которым как шведские военно-воздушные силы, так и флот предоставили ряд уступок Германии. Шведский флот согласился заминировать проход к западу от Аландских островов, соединив его с германскими минными полями у Эланда/Oland. Это было сделано 28 июня и фактически закрыло проход для советского судоходства. Кроме того, шведский флот согласился с 30 июня обеспечивать конвоирование германских судов в шведских территориальных водах. Швеция также отказалась допускать советские военные корабли в свои воды. Более того, нормы международного права были фактически проигнорированы, когда Швеция согласилась, что германские корабли не будут интернироваться даже при превышении допустимого срока пребывания в её территориальных водах.

Соглашение между *Люфтваффе* и шведскими ВВС определяло порядок действий при вынужденных посадках германских самолётов на шведской территории. Для этого выделялись специальные аэродромы, информация о которых передавалась германскому командованию. Швеция обязалась предоставлять топливо и проводить срочный ремонт, а экипажи не подлежали интернированию. Также было разрешено использование шведского воздушного пространства германскими курьерскими самолётами. Формально они считались гражданскими и должны были летать под соответствующими опознавательными знаками. Полёты должны были заранее согласовываться (не менее чем за два часа) и проходить по строго определённым маршрутам. Были установлены два маршрута между Норвегией, Финляндией и Германией со следующим расписанием их использования - «по одному самолёту по каждому маршруту в каждом направлении, либо по два самолёта на одном маршруте в каждом направлении ежедневно». В случае переброски германских авиационных подразделений через территорию Швеции требовалось отдельное разрешение. Швеция также обязалась не публиковать метеосводки, которые могли бы быть полезны СССР, при необходимости Германия получала подробные данные по закрытым каналам связи через своё представительство в Стокгольме. 15 сентября было заключено дополнительное соглашение по курьерским полётам, предусматривающее два маршрута между Норвегией и Финляндией и два между Германией и Финляндией. Также были согласованы технические детали связи, ночных перелётов и промежуточных посадок. Подчёркивалось, что самолёты должны быть невооружёнными и управляться гражданскими экипажами.

Хотя политика Швеции в этот период демонстрировала значительную уступчивость по отношению к Германии, правительство настойчиво стремилось сохранить свободу действий. Переброска дивизии генерала Энгельбрехта была разрешена прежде всего потому, что этого требовала и Финляндия, однако Швеция отказалась разрешить транзит военнслужащих, находящихся в отпуске из Финляндии. Разрешение на курьерские полёты распространялось также и на союзников, хотя они использовали его значительно реже из-за географических ограничений. Швеция вновь направляла гуманитарную помощь Финляндии, но, в отличие от Зимней войны, не санкционировала добровольческих формирований. Лишь отдельные добровольцы отправлялись на фронт (в 1941-1944 годах через Финскую армию прошло не менее 1 500 шведских добровольцев – ВК). Поскольку теперь война Финляндии стала частью общего европейского конфликта, Швеция стремилась избежать впечатления, что она нарушает нейтралитет. В речи 27 июля 1941 года министр обороны Пер Эдвин Шёльд заявил: «Наша линия - оставаться вне войны, и мы будем придерживаться этого курса с железной решимостью. Нельзя утверждать, что, предоставляя определённые привилегии одной из воюющих сторон, мы тем самым отказываемся от нашей независимости. Эти уступки не затрагивают нашего суверенитета, и именно здесь проходит граница».

В идеологических планах Гитлера Швеция рассматривалась как северный партнёр в рамках создаваемого им «нового порядка» в Европе. На совещании, состоявшемся 6 сентября 1940 года, говоря о Швеции и Финляндии, он определял этот союз следующим образом:

Его участники сохраняют определённый суверенитет (дипломатическое представительство и т. д.), имеют собственные вооружённые силы, обученные и оснащённые ими, но организованные по образцу германских вооружённых сил. В остальном же они должны быть тесно связаны с Германией как политически, так и экономически.

Одновременно германские руководители неизменно подчёркивали, что подобные соглашения никоим образом не затронут традиции и национальную свободу шведского народа. Обращаясь к Свену Хедину на званом ужине в октябре 1940 года, государственный секретарь Эрнст фон Вайцзеккер объяснял, что «новый порядок» будет касаться прежде всего экономической реорганизации, предусматривающей устранение таможенных барьеров, и может рассматриваться как «продолжение и завершение континентальной системы Наполеона». Он также заверил Хедина, что на Швецию не будет оказываться давление и что союз никак не затронет её независимость. Однако шведы не проявили интереса к подобным предложениям. Некоторое время Германия надеялась втянуть Швецию в сферу [Тройственного Пакта](#), но шведское правительство фактически заблокировало эту идею. Предложение германского посланника в Стокгольме о двустороннем пакте между Германией и Швецией также было отвергнуто — на этот раз самим Йоахимом фон Риббентропом.

В начале июля 1941 года возобновились экономические переговоры между Германией и Швецией. 2 июля германскому представителю был передан список военного оборудования, необходимого шведскому правительству. Этот меморандум был направлен в Берлин для рассмотрения соответствующими экономическими и военными ведомствами. 10 июля Департамент экономической политики сообщил, что представитель Верховного командования вермахта доставит ответ в Стокгольм в течение недели. Германия отказалась предоставить лицензии на авиационные двигатели и поставку некоторых самолётов, заказанных Швецией, хотя согласилась передать двигатели, захваченные во Франции. Швеция также просила поставить танки в обмен на запасные части, однако германский ответ оказался в целом отрицательным. Были сделаны лишь незначительные уступки, и общий тон ответа свидетельствовал о нежелании удовлетворять шведские запросы. Это вызвало недовольство германского представительства в Швеции: главный экономический переговорщик Шнурре заявил, что ему пришлось временно прекратить переговоры, поскольку Верховное Командование «не желает делать никаких уступок без значительных встречных услуг со стороны Швеции».

Переговоры о новом торговом соглашении на 1942 год должны были начаться в Берлине в октябре, и 28 августа германские экономисты обсудили перспективы соглашения со Швецией. Германия столкнулась с проблемой клирингового дефицита, вызванного тем, что объём германского экспорта в Швецию был значительно меньше шведского экспорта в Германию. Поэтому требовалось получить кредит от шведского правительства. Немецкие экономисты подчёркивали, что недостаток германского экспорта уже отражается на снижении поставок из Швеции, важных для военной экономики — особенно это касалось продукции лесной и сталелитейной промышленности, а также в судостроения. Для исправления ситуации предполагалось придать приоритет германским экспортным поставкам в Швецию. Вопрос поставок вооружений также должен был быть пересмотрен «с учётом известного списка требований шведов и с точки зрения того, насколько мы ещё можем предложить им трофейное вооружение». Проблема заключалась в доставке этого трофейного вооружения, однако предполагалось, что шведы могут согласиться перевозить его самостоятельно.

Подготовка к экономическим переговорам продолжалась в течение сентября. Германское представительство сообщало, что шведы готовы предоставить кредит «для покрытия существующего и ожидаемого клирингового дефицита», а также, возможно, осуществлять авансовые платежи за будущие германские поставки. Хотя предложенный объём кредита был меньше желаемого, германские экономисты надеялись добиться более выгодных условий. Представительство рекомендовало создать специальный подкомитет для работы

с заказами военной экономики, поскольку существующая ситуация «приучает шведов отказывать на нерегулярные запросы и, вовлекая частные шведские фирмы, даёт возможность вражеской разведке выявлять слабые места германской экономики». В состав подкомитета предлагалось включить одного специалиста по торговой политике и представителя Верховного командования для защиты военных интересов.

Параллельно с экономическими переговорами военные и политические представители Германии также пытались добиться своих целей. 31 июля германский представитель Шнурре и финский министр в Швеции отдельно встретились с министром иностранных дел Гюнтером и попросили разрешения на транзит ещё одной германской дивизии через Швецию. На следующий день Гюнтер сообщил, что правительство отказало в сухопутном транзите, но предложило альтернативу - морскую перевозку через шведские территориальные воды. Шведы указали, что этот маршрут уже используется: например, за предыдущие три дня через шведские воды прошло шесть германских транспортов с войсками. Эти перевозки осуществлялись под защитой шведского флота, и, по мнению шведской стороны, не было необходимости разрешать сухопутный транзит. 1 августа Йохим фон Риббентроп сообщил, что Верховное Командование принимает это предложение. В сентябре конвой с германской дивизией прошёл через шведские территориальные воды.

Шведское правительство продолжало запрещать сухопутный транзит войск в Финляндию, однако 5 августа Шнурре сообщил, что Гюнтер расширит применение соглашения от 8 июля 1940 года, разрешив «неограниченный транзит материалов по шведским железным дорогам до Хапаранды/Naaranda», приграничного города между Швецией и Финляндией. Перевозки отпускников между Германией и Норвегией, а также транспортировка грузов по шведским железным дорогам продолжались, несмотря на ряд инцидентов, вызвавших протесты со стороны Швеции. 19 июля 1941 года на станции Крыльбо/Krylbo взорвался германский поезд с боеприпасами, перевозивший артиллерийские снаряды, в результате чего пострадали несколько человек. 6 августа шведские власти обнаружили на одном из поездов с отпускниками британского офицера, находившегося в плену, однако не освободили его, а позволили продолжить путь в Германию, одновременно заявив о том, что «настоятельно желает, чтобы германская сторона приняла меры к тому, чтобы захваченный английский офицер не смог сообщить в Англию о факте его перевозки через территорию Швеции в германском отпускном поезде — ни письмом, ни каким-либо иным способом при первой возможности.»

Германское военное руководство также стремилось добиться от Швеции снабжения [определёнными материалами и снаряжением] германских дивизий, действовавших в Финляндии. 22 сентября в директиве Гитлера № 36, касавшейся ведения войны в северной Финляндии, подчёркивалось, что грузовики должны быть «закуплены или арендованы в Швеции, чтобы перенести линию снабжения горного корпуса на Арктическое шоссе». Другой острой потребностью были палатки и печи для использования в условиях сильных морозов. 23 октября германское представительство сообщило, что шведская армия согласилась предоставить 2 000 палаток с печами, которые должны были быть доставлены к финской границе в течение трёх дней. Гораздо труднее оказалось получить грузовики. Сначала сообщалось, что Швеция готова предоставить более 1 000 машин, но без шин. В итоге шведы согласились сдать в аренду 300 грузовиков с шинами, при условии, что Германия поставит 50 тонн буны (синтетического каучука) в качестве компенсации за износ шин. В первом рейсе эти машины должны были перевезти в Финляндию сборные деревянные бараки, а обратно — никелевую руду из Петсамо. 20 ноября принц цу Вид пожаловался Гюнтеру на отказ Швеции предоставить шерстяные и кожаные изделия, необходимые для зимней кампании в Финляндии. Гюнтер объяснил, что значительная часть сырья поступает из Великобритании, и реэкспорт таких товаров может привести к прекращению британцами «гётеборгского трафика». Он подчеркнул, что топливо, поступающее этим маршрутом, «поддерживает снабжение шведского флота», который с начала германо-советской войны постоянно обеспечивает конвои германских войск и

грузов. Следовательно, и для Германии важно не провоцировать чрезмерно Великобританию.

7 сентября Великобритания объявила войну Финляндии. Это не изменило отношение Швеции к финнам, но заставило её действовать осторожнее при поставках материалов западного происхождения. Цу Вид отметил, что новые германо-финские запросы могли бы иметь больше шансов на успех, если бы исходили от финской стороны и подавались по обычным дипломатическим каналам. Он выразился следующим образом: «Совершенно очевидно, что тревога немедленно поднимается, как только господин Шнурре появляется в шведской миссии в Берлине за новой визой, и тогда «шведский ёж» тут же сворачивается и выставляет все свои иглы».

Шведские солдаты на учениях, 1942 год

То, что Швеция не всегда соглашалась с германскими требованиями, хорошо видно на примере норвежских торговых судов, стоявших после вторжения в Норвегию в шведских портах Гётеборг и Мальмё. В июле 1941 года слух о том, что суда собираются прорваться в Великобританию, побудил германское МИД обратиться с протестом к шведскому правительству. Ранее нескольким судам уже удалось уйти, и Германия предупредила, что повторение этого приведёт к отмене «гётеборгского соглашения». Шведы не хотели применять силовые меры против экипажей этих судов и предложили решить вопрос через суд. Они предложили, чтобы норвежские судоходные компании направили капитанов для возвращения судов в Норвегию. Поскольку суда уже были реквизированы норвежским правительством в изгнании, это неизбежно вызвало бы протест и позволило бы передать дело в суд. Если бы суд признал правоту норвежского правительства, то «компании могли бы потребовать ареста судов на основании спора о праве распоряжения ими, с целью получения судебного решения.» Таким образом, судебное разбирательство удерживало бы суда в Гётеборге до окончательного решения. Германия не была полностью удовлетворена таким подходом, но Гюнтер заверил, что суда не будут допущены к выходу. 8 сентября цу Вид вновь выразил протест, считая судебную процедуру слишком медленной и опасаясь «саботажа». Немцы не понимали, почему шведы не могут просто заменить экипажи силой, однако Гюнтер настаивал на соблюдении шведских законов. 11 сентября он подтвердил, что вопрос будет решаться через суд. Процедура была сложной: каждое

судно рассматривалось отдельно, но после создания прецедента остальные дела могли быть решены быстрее. Судовладельцы могли требовать полицейской защиты. Перед Германией стоял выбор: принять шведскую позицию или позволить судам выйти в море и попытаться перехватить их. Решение требовалось срочно, поскольку сообщалось, что три судна уже почти готовы к выходу. 17 сентября Гюнтер сообщил германскому представительству, что норвежское правительство в изгнании зафрахтовало суда для Великобритании. Также ходили слухи, что на борту находятся английские капитаны и что одно судно - *Dicto* - готовится загрузить военный груз. Германия потребовала немедленно вернуть суда их владельцам без судебных процедур и до этого момента не выпускать их из порта. Это требование распространялось и на норвежские суда, строившиеся на шведских верфях. Гюнтер возразил, что выполнение германских требований противоречило бы шведскому нейтралитету. Он настаивал, что суда могут быть задержаны по решению суда до окончания разбирательства. 19 сентября германское представительство сообщило, что владелец судна подал ходатайство об аресте капитана, и арест был произведён в течение 24 часов.

Пока эти процессы продолжались, Германия не упускала возможности выразить недовольство шведской политикой. 19 сентября Шнурре резко критиковал Гюнтера за «негативную позицию» и вновь угрожал прекращением *гётеборгского трафика*. Посол Риттер в своих инструкциях германскому представительству жаловался, что...

Тот факт, что норвежские суда, по-видимому, уже давно были зафрахтованы Великобританией, что на борту находятся английские капитаны и, как сообщалось, на отдельные суда загружаются военные материалы для Англии, произвёл крайне неблагоприятное впечатление на правительство Рейха. Из этого, по их мнению, следовало, что шведское правительство не действовало с Германией открыто.

Далее подчёркивалось, что шведское правительство «признаёт право распоряжения третьей стороны [норвежского правительства в изгнании], защищает чартерные контракты, заключённые вопреки воле владельцев, и требует от судовладельцев доказывать свои первичные юридические права в суде». 26 сентября Йоахим фон Риббентроп встретился с временным поверенным Швеции в Берлине, советником Эриком фон Постом (Eric von Post, 1899-1990), и обвинил шведов в том, что они «втыкают нож в спину» Германии, признавая британские интересы в этом вопросе. Риббентроп заявил, что, поскольку Великобритания ведёт войну на стороне большевизма, «любое действие Швеции в пользу Англии равносильно самоубийству».

Германия также искала способы давления на Швецию, чтобы заставить её проводить политику, более соответствующую германским интересам. Руководитель Департамента экономической политики поручил представительству подготовить обзор экономических отношений со Швецией, с особым акцентом на возможностях «закрутить гайки» для шведов. Ответ последовал быстро, но оказался неутешительным. В своём докладе Шнурре подвёл итоги шведского экспорта в Германию за предыдущий год, отметив также значительные уступки Швеции: транзит товаров в Норвегию и Финляндию и конвоирование судов с ними на борту через её территориальные воды. Германские встречные поставки также были перечислены, но, как признал Шнурре, они не компенсировали объёмы шведского экспорта сырья и готовой продукции. Более того, дальнейшие поставки из Швеции в значительной степени зависели от предоставления Германией кредита для покрытия клирингового дефицита. Шнурре считал, что давление на Швецию возможно через прекращение поставок угля и вооружений, однако предупреждал: «Мы тем самым нарушим германо-шведскую торговлю, от которой зависим гораздо больше, чем шведы. Поэтому я не советую прекращать поставки угля и других товаров в Швецию, поскольку этим мы подорвём наш план... превращения Швеции в арсенал Германии». В этих условиях наиболее эффективной мерой давления он считал удар по *гётеборгскому трафику*, от которого Швеция зависела в поставках сырья. Германия могла пойти на это с меньшим ущербом для себя, хотя и признавала, что сама извлекает выгоду из этого маршрута. Департамент экономической политики согласился с выводами Шнурре и

передал доклад Риббентропу. Однако никаких действий по прекращению движения принято не было: Германия всё ещё не хотела обострять отношения со Швецией.

1 октября сообщалось, что шведский апелляционный суд санкционировал арест одного из [зафрахтованных Великобританией] судов, тем самым создав прецедент, который, вероятно, будет применён и в других случаях. При этом непосредственной угрозы выхода судов в море не наблюдалось. 13 ноября Великобритания выразила протест, заявив, что шведские суды действуют в интересах Германии. К концу 1941 года судебные процессы всё ещё продолжались, и казалось, что вопрос будет затянут на неопределённый срок. В апреле 1942 года часть судов попыталась прорваться на Запад, но эта попытка оказалась неудачной.

В ноябре 1941 года, в ходе переговоров о продлении германо-шведского торгового соглашения, шведское правительство направило в Департамент экономической политики меморандум, в котором перечислялись услуги и уступки, оказанные Германии с начала войны в 1939 году. Этот документ был призван усилить позиции Швеции на переговорах. Среди прочего отмечалось, что с июля 1940 года по 1 ноября 1941 года через территорию Швеции было перевезено 670 000 военнослужащих Вермахта, как между Германией и Норвегией, а также по так называемому «подковообразному маршруту» между Нарвиком и Тронхеймом. Ежемесячно через Швецию также проходили значительные объёмы материалов, включая военные грузы, направляемые в Норвегию. Кроме того, Швеция разрешила транзит отдельных военнослужащих вермахта между Норвегией и Финляндией: к 1 ноября было перевезено 5 100 человек между Сторлиеном и Хапарандой. За тот же период через Швецию в Хапаранду прошло 5 000 вагонов с военными грузами. Кроме того, германские курьеры пользовались широкой свободой передвижения.

[Шведские добровольцы в Ваффен СС](#). Слева - унтерштурмфюрер Карл Свенссон (Carl Svensson – первый слева). До 1941 г. служил в шведском военно-морском флоте, в СС стал инструктором у зенитчиков. Обучался в офицерской школе СС в городе Bad Tölz в 1942 г., затем служил военным корреспондентом под Ленинградом, на Балканах, в Нормандии и, возможно, на Рейне до возвращения в Швецию в 1945-м.

Не менее 70 судов, перевозивших войска и военные грузы в Финляндию, прошли через шведские территориальные воды под охраной шведского флота и авиации. Германская

авиация активно использовала предоставленные Швецией привилегии для полётов. Госпитальные поезда и самолёты перевозили раненых немецких солдат из Финляндии в Норвегию. Для обеспечения поставок в Финляндию Швеция разрешила создание складов в районе Лулео. Грузы оттуда доставлялись в Финляндию на грузовиках, арендованных у шведской армии, которая также предоставила вермахту палатки и печи для зимних условий. Торговля между Швецией и Германией выросла с 799.7 млн крон в 1938 году до 1.8-1.9 млрд крон в 1941 году. В 1942 году Швеция предоставила Германии кредит в размере 100 млн крон для покрытия клирингового дефицита. Многие шведские экспортные товары перевозились шведскими судами, что освобождало германский флот для других задач. После серьёзных повреждений порта Нарвик в 1940 году Швеция начала вывозить до 45 000 тонн железной руды в день через альтернативный порт Лулео. Позднее Нарвик был частично восстановлен, в том числе усилиями компании *Grängesberg*. В меморандуме также подчёркивалась помощь Финляндии: в 1941 году Швеция поставляла муку, картофель, мясо, масло, патоку и другие продукты. Финляндии был предоставлен кредит на сумму 300 млн крон. Военные поставки включали боеприпасы, порох, средства связи и другое оборудование.

Германские экономисты осознавали зависимость Германии от шведских товаров и услуг, поэтому согласились поставить значительную часть военных материалов, ранее запрошенных шведским правительством. В секретном протоколе от 8 декабря Германия обязалась поставить:

- 15 000 биноклей,
- 11 000 полевых стереотруб,
- 2 000 лёгких пулемётов с боеприпасами,
- 110 лёгких полевых гаубиц с боеприпасами,
- три батареи дальнобойных орудий *Шкода/Scoda* с боеприпасами,
- некоторое количество пистолетных патронов,
- коротковолновые передатчики и приёмники.

Поставки по многим позициям должны были осуществляться по частям ежемесячно. Также рассматривалась возможность предоставления лицензий на производство части боеприпасов и радиооборудования вместо прямых поставок. 19 декабря этот протокол был дополнен общим германо-шведским экономическим соглашением, регулирующим торговлю в 1942 году.

К концу 1941 года Адольф Гитлер пришёл к убеждению, что Великобритания готовит вторжение в Норвегию с целью вернуть Нарвик и создать угрозу шведским районам добычи железной руды. Он приказал усилить оборону Норвегии, а также увеличить находившиеся там военно-морские и военно-воздушные контингенты. 22 января 1942 года на совещании у Гитлера заявил, что союзное наступление кажется неизбежным и что Швеция, вероятно, поддержит союзников в обмен на «Нарвик и рудные районы у Петсамо». Он также опасался угрозы германскому судоходству в Балтийском море в случае появления британцев на Севере. В это время у Германии имелись крупные боевые корабли, включая линейные крейсера *Scharnhorst* и *Gneisenau*, а также крейсер *Prinz Eugen*, базирующиеся в Бресте на северо-западе Франции. Эти корабли были необходимы для защиты норвежских перевозок, но для перехода в Германию или Норвегию им нужно было пройти через Ла-Манш, рискуя быть атакованными британцами. После долгих колебаний Гитлер всё же приказал перебросить корабли. 11–12 февраля они незаметно прошли через Ла-Манш и благополучно достигли Германии. Весной 1942 года германские военно-морские силы в Норвегии были усилены, и опасения Гитлера относительно британского наступления временно ослабли.

. Шведский Ральф летчик Негберг (Ralph Häggberg), служивший в Королевских ВВС (фото сделано между 1 и 10 февраля 1942 г.) Он погиб 12 февраля 1942 г. во время атаки на немецкие корабли, прорывающиеся через Ла-Манш. Кроме него в Британских ВВС [служило еще несколько шведов...](#)

Именно в 1942 году стали заметны признаки трений между Германией и Швецией. Усиление германской группировки в Норвегии убедило многих шведских военных, что это может быть подготовкой к вторжению в Швецию. В феврале шведская армия была мобилизована для отражения возможной атаки. С 1939 года вооружённые силы Швеции значительно выросли в численности, и расходы на вооружение резко увеличились. Хотя германское вторжение так и не произошло, страх перед ним сохранялся, и несколько раз в ходе войны Швеция проводила срочную мобилизацию. Недовольство Гитлера позицией Швеции также становилось всё более явным. В июле 1942 года глава СС Генрих Гиммлер сообщил своему врачу и доверенному лицу [Феликсу Керстену](#) (Felix Kersten), что Гитлер поручил ему обсудить с Финляндией возможность вторжения и оккупации Швеции. Гиммлер заявил: «Невозможно терпеть нейтральное иностранное тело в центре Великой Германии Адольфа Гитлера. Это даёт нашим врагам слишком много возможностей противодействовать нашим целям». Он добавил, что:

- Швеция является «охотничьим угощем английских шпионов»;
- часть шведской прессы открыто антигерманская;
- Швеция удерживает от Германии важные ресурсы;
- контроль над этими ресурсами значительно усилил бы военный потенциал Германии.

В случае сотрудничества в данном вопросе Финляндия должна была получить северную часть Швеции (включая районы с финским населением и порт Киркенес), а Германия — присоединить центральную и южную Швецию к Рейху. Финский министр иностранных дел

[Рольф Виттинг](#) (Rolf Johan Witting) был шокирован этим предложением и отказался его рассматривать, хотя формально отложил решение до заседания парламента в ноябре.

Одним из раздражающих факторов для Германии была позиция шведской прессы. В начале войны шведское правительство пыталось смягчить антигерманские публикации, а Германия оказывала давление, отменяя рекламу своих компаний в шведских газетах. Однако полной цензуры не существовало. Сообщения о жестоком обращении с норвежцами со стороны немецких оккупационных войск вызвали волну критики в шведской прессе, и в 1942 году её тон становился всё более антигерманским, особенно на фоне военных неудач Германии в СССР и северной Африке. Даже Феликс Керстен был вынужден признать, что Германия не смогла контролировать общественное мнение в Швеции. Министр пропаганды Йозеф Геббельс записал 21 апреля 1943 года: «Шведская пресса, особенно её настроенное против Оси крыло, позволяет себе выражения, на которые решается только потому, что наше военное положение сейчас не слишком устойчиво. Но однажды всё изменится — и тогда мы будем говорить со Швецией иначе.» Киноиндустрия Швеции также игнорировала пожелания Геббельса: несмотря на доступность германских фильмов, большинство показываемых картин были скандинавского, британского или американского производства. Всё более неблагоприятное отношение шведской прессы и общественного мнения к нацистской политике свидетельствовало о постепенном изменении в германо-шведских отношениях - охлаждении сотрудничества, которое сохранялось вплоть до начала 1942 года. Хотя Германия всё ещё оставалась доминирующей силой на Севере и могла добиваться определённых уступок от Швеции, каждое военное поражение Германии усиливало у шведов сомнения в целесообразности политики, слишком тесно связанной с германскими интересами, и усиливало стремление противостоять дальнейшим нарушениям нейтралитета.

Тем не менее шведское правительство не предпринимало резких шагов для освобождения от германского влияния — изменения происходили постепенно. Лишь в августе 1943 года Швеция открыто бросила вызов Гитлеру, приостановив основные положения транзитного соглашения, а существенное сокращение торговли с Германией началось только в 1944 году. К тому времени Германия уже перешла к обороне и могла лишь включать Швецию в число объектов своей пропаганды. К началу 1945 года активная германская политика в отношении Швеции фактически сменилась реактивной: угрозы становились всё громче, но их эффективность падала, поскольку Швеция всё больше ориентировалась на аргументы союзников.

УПАДОК ГЕРМАНСКОГО ВЛИЯНИЯ

По мере того, как в 1943 году военное положение Германии ухудшалось, и победа союзников становилась всё более вероятной, политика Швеции также начала меняться. Шведскому правительству пришлось по-новому взглянуть на то, что отвечает её интересам, и не наступило ли время уступить давлению союзников и начать отказываться от уступок, ранее предоставленных Германии после ее вторжения в Норвегию в 1940 году. 5 августа 1943 года шведское правительство объявило, что достигнуто соглашение с Германией о прекращении транзита военных грузов и войск через Швецию (с 15 и 20 августа соответственно). Это не касалось невоенных грузов и гражданских перевозок, которые продолжались до апреля следующего года, когда были прекращены и они. К сентябрю 1944 года через Швецию разрешалось перевозить лишь санитарные поезда с ранеными немецкими солдатами из северной Финляндии в Германию. Также были значительно ограничены полёты германских курьерских самолётов над шведской территорией.

Шведское грузовое судно Industria, совершавшее рейс между Филадельфией и Рио-де-Жанейро и потопленное немецкой подводной лодкой U-518 25 марта 1943 года

В ответ Германия прибегла к репрессиям: в августе 1943 года были обстреляны и потоплены два шведских рыболовных судна, а также сбиты несколько шведских курьерских самолётов. Осенью 1943 года движение по *гётеборгскому маршруту* было временно прекращено — Германия отказалась гарантировать безопасность шведских судов в зоне блокады. Эти действия вызвали сильное недовольство в Швеции, чем воспользовались союзники, стремясь ослабить её экономические связи с Германией. 23 сентября 1943 года Швеция подписала соглашение с Великобританией и США, которое предусматривало значительное сокращение экспорта в Германию. Швеция обязалась:

- не предоставлять новых кредитов противнику (за исключением ограниченных случаев, связанных с Финляндией);
- снизить общий уровень экспорта в Германию в 1943 году как минимум на 130 млн крон по сравнению с 1942 годом;
- сократить поставки конкретных видов сырья, представляющих интерес для союзников.

В 1944 году планировались ещё более серьёзные ограничения: экспорт железной руды должен был быть ограничен 7.5 млн тонн в год, причём не более двух тонн руды на каждую тонну импортируемого из Германии угля или кокса. Экспорт других видов руды и минералов также должен был быть сокращён или полностью прекращён. На практике Швеция не всегда строго придерживалась этих обязательств, и экспорт железной руды в 1943 году превысил ожидания союзников. Однако 11 января 1944 года было подписано новое торговое соглашение с Германией, уже более соответствующее обязательствам перед союзниками:

- общий клиринговый оборот должен был составить около 700 млн крон (против 550 млн в 1943 году);
- экспорт железной руды сокращался до 7 млн тонн (вместо 10 млн);
- экспорт шарикоподшипников — до 21 млн крон (вместо 45 млн).

Особое беспокойство союзников вызывали [поставки шведских шарикоподшипников](#). Они производились из высококачественной стали и были критически важны для авиации и точной техники. Хотя Германия имела собственное производство, бомбардировки союзников в 1943 году (например, промышленных объектов в Швайнфурте) серьёзно его ослабили, усилив зависимость от шведских поставок. Главным производителем подшипников была компания *SKF*. Во время войны она также поставляла продукцию союзникам - почти на 20 млн долларов, что составило около половины объёма поставок в

Германию. Союзники пытались перекупить поставки, чтобы лишить Германию этого ресурса, однако SKF увеличила производство и тем самым сорвала этот план. В мае американские и британские представители прибыли в Стокгольм, чтобы убедить компанию прекратить экспорт в Германию. Переговоры длились с 13 мая по 8 июня. В этот период поставки в Германию были временно приостановлены. Компания неохотно шла на уступки, но союзники оказали серьёзное давление. Высадка союзников в Нормандии, произошедшая во время переговоров, также повлияла на позицию шведов. Союзники закупили подшипники примерно на 6 млн долларов, а SKF согласилась существенно сократить экспорт в Германию. Компания придерживалась этого соглашения, постепенно снижая поставки, пока 19 октября полностью не прекратила экспорт в Германию.

Шведы разглядывают первый американский самолет В-17 (Georgia Rebel), совершивший аварийную посадку на территории их страны 24 июля 1943 года после бомбардировки объектов в Норвегии

Во второй половине 1944 года объём торговли между Германией и Швецией сократился до небольшой доли прежнего уровня. В июле Адольф Гитлер всё ещё опасался, что прорыв советских войск в Прибалтике нарушит поставки шведской железной руды, «имеющие решающее значение для нашей военной экономики и для строительства нового подводного флота». Однако уже в сентябре шведское правительство объявило о закрытии всех портов в Ботническом заливе и Балтийском море к западу от пролива Фальстербо. Это решение, вступившее в силу 27 сентября, привело к резкому сокращению шведского экспорта в Германию. В ответ Германия расторгла соглашение о *гётеборгском трафике* и 9 ноября объявила Балтийское море зоной военных действий, в которой все суда, включая шведские, подлежали потоплению без предупреждения. Швеция выразила протест и заявила, что не будет вести торговые переговоры с Германией на следующий год. К 1 января 1945 года вся торговля с Германией фактически прекратилась — главным образом потому, что компании больше не предоставляли страхование и кредиты для таких операций.

Блокадопрорыватель Gay Wiking – один из нескольких катеров, изначально построенных в качестве торпедных, но использовавшихся британцами для доставки подшипников из Швеции

С 1943 года и до конца войны Швеция также всё более открыто противостояла Гитлеру, оказывая помощь другим скандинавским странам. Швеция на протяжении всей войны сохраняла дипломатические отношения с норвежским правительством в изгнании (в Лондоне) и позволяла ему иметь представительство в Стокгольме. В ноябре 1943 года в Университете Осло вспыхнули антигерманские беспорядки, после чего ряд студенческих лидеров был депортирован в Германию. Швеция решительно протестовала, и в следующем году часть студентов была возвращена на родину. Одним из наиболее смелых шагов шведского правительства стала организация весной 1943 года учебного центра для норвежского полицейского формирования, создаваемого из беженцев в Швеции. Эта структура должна была стать ядром сил, готовых вернуться в Норвегию и восстановить порядок после ухода немцев. Сначала она насчитывала около 1 500 человек и считалась гражданской, хотя обучение включало использование газа, дымовых шашек и взрывчатки, подготовку к диверсиям и противодействию диверсиям. Позже численность выросла, подготовка приобрела более военный характер, а занятия проводились под руководством офицеров шведской армии. К концу 1944 года этот резерв насчитывал уже 12 000 человек, обученных и оснащённых Швецией, но подчинённых норвежскому правительству в Лондоне.

Швеция также оказывала помощь датским беженцам. После немецкой оккупации Дании Германия пыталась создать там «образцовый протекторат», однако сопротивление быстро росло. К 1943 году диверсии стали серьёзной проблемой. Германия потребовала от датского правительства ужесточить меры и ввести чрезвычайное положение, но датчане отказались. Тогда Гитлер приказал провести операцию *Safari*. 29 августа 1943 года были арестованы король, правительство и военные лидеры и введено военное положение. Гитлер опасался, что датский флот попытается уйти в Швецию, и приказал захватить корабли и суда, однако часть их была затоплена экипажами, а некоторые всё же смогли уйти в Швецию. После этого немецкий режим в Дании стал гораздо более жёстким. В сентябре 1943 года стало известно о планах депортации датских евреев. Швеция направила протест в Берлин и предложила принять их у себя, но Германия проигнорировала это предложение. Тем не менее датское подполье сумело переправить многих из них в Швецию. К концу войны около 18 000 датских беженцев нашли там убежище. Швеция также подготовила небольшую датское полицейское формирование по образцу норвежского. К середине 1943 года Швеция начала планировать помощь освобождённым странам после войны. Был разработан своего рода «малый план Маршалла», предусматривавший массовые поставки продовольствия и других необходимых товаров. Значительные объёмы помощи - продовольствие, одежда,

медикаменты - поставлялись как во время войны, так и после неё таким странам, как Норвегия, Дания и Нидерланды.

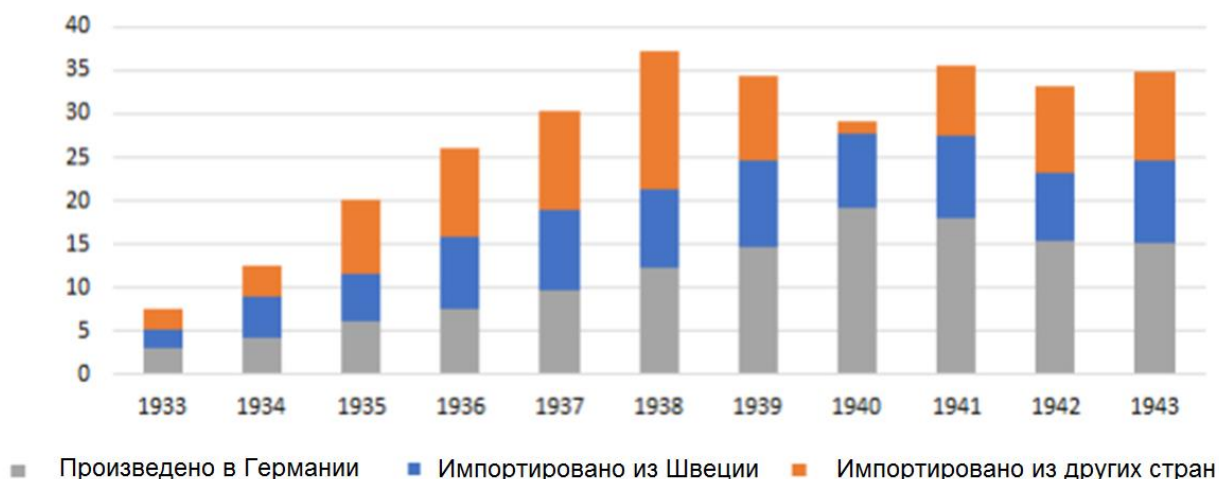

Шведские солдаты на учениях, 1943 год

С Финляндией ситуация была сложнее, поскольку она воевала на стороне Германии против СССР. Однако к 1944 году стало ясно, что Финляндия истощена и должна искать мир. Летом 1944 года она начала переговоры с Советским Союзом. Когда Гитлер узнал об этом, он пригрозил серьёзными последствиями, но Финляндия продолжила курс на сепаратное соглашение. 5 сентября боевые действия между Финляндией и СССР прекратились, но война в Финляндии на этом не закончилась. Одним из условий перемирия было требование вывести все немецкие войска до 15 сентября или разоружить их и передать СССР - задача практически невыполнимая. Немецкие войска в северной Финляндии начали отступление к норвежской границе, применяя тактику «выжженной земли». Финское правительство заранее эвакуировало население Лапландии, многие ее жители бежали в Швецию. Уходя, немцы опустошили этот край, [нанеся огромный ущерб его жилому фонду, инфраструктуре и экономике...](#)

14 сентября немцы начали операцию *Tanne-Ost* – высадку десанта на финский остров Сурсаари (Гогланд), однако эта попытка оказалась неудачной. Планировалась отдельная по высадке на расположенные у входа в Ботнический залив Аландские острова, получившая название *Tanne-West*, однако она была отменена из-за вероятного сопротивления Швеции (острова принадлежали Финляндии, но население было в основном шведского происхождения). Германское правительство опасалось, что нападение на острова может негативно сказаться на «продолжающихся поставках шведской руды и шарикоподшипников». После выхода Финляндии из войны Швеция вновь оказала ей помощь, поставляя продовольствие и другие жизненно необходимые ресурсы, как это уже было в 1940 году после первой войны с СССР.

МЛН ТОНН

Потребление железной руды германской промышленностью в 1933-1943 годах. Как видно, импорт из Швеции не доминировал ни до, ни во время ВМВ

Швеция вышла из войны практически не пострадавшей и сохранив статус нейтрального государства. В отличие от других стран Северной Европы, она избежала немецкого вторжения и оккупации, хотя в течение шести лет её политика балансировала между требованиями Германии и давлением союзников. На протяжении всей войны руководство Германии учитывало значение шведского экспорта и, вероятно, неоднократно обсуждало, не проще ли было бы оккупировать Швецию и напрямую использовать её ресурсы, чем зависеть от колебаний правительства, на которое влияли общественное мнение и требования союзников. Тем не менее Швеции удалось пережить войну практически без вмешательства извне по сравнению с её северными соседями.

Вопросы о том, почему это произошло и могло ли германское вторжение в Швецию изменить ход войны, рассматриваются в заключении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После вторжения в Норвегию многие европейские наблюдатели задавались вопросом, почему Швеция избежала судьбы своих западных соседей. Ответ состоит из нескольких факторов, но в целом можно сказать, что вторжение в Швецию было бы для Германии одновременно ненужным и дорогостоящим. К 1940 году Швеция уже поставляла Германии железную руду, шарикоподшипники и другие жизненно важные ресурсы. В случае вторжения эти поставки как минимум временно прекратились бы. Более того, шведы планировали уничтожить инфраструктуру: электростанции и железные дороги, обслуживавшие северные рудники, чтобы она не досталась Германии. Таким образом, Гитлер мог потерять больше, чем приобрести. Кроме того, вторжение потребовало бы значительно больших сил, чем операции в Дании и Норвегии, по следующим причинам:

- территория Швеции была значительно большей по размеру,
- армия — хотя и небольшая — была хорошо оснащена,
- сопротивление было бы намного серьезнее.

Как отмечали шведские источники, масштабная операция на Севере также могла бы задержать осуществлении главного удара на западе, который был для Гитлера приоритетным. Ещё одним важным фактором была позиция СССР. 13 апреля 1940 года Вячеслав Молотов сообщил германскому послу, что Советский Союз не одобрил бы вторжение в Швецию, поскольку её нейтралитет соответствовал советским интересам.

Иосиф Сталин в тот момент был важным партнёром Германии, и Гитлер не мог позволить себе испортить отношения.

Баланс сил в Северной Европе, благоприятный для Германии, позволил ей добиваться уступок от Швеции без прямого вторжения. Швеция стремилась сохранить нормальные экономические и дипломатические отношения со всеми сторонами. В декабре 1939 года она заключила торговые соглашения как с Германией, так и с Великобританией. Объём экспорта в Германию был больше, и это объяснялось традиционной структурой торговли с этой страной: последняя закупала железную руду и взамен поставляла уголь и кокс, необходимые шведской промышленности. Несмотря на отдельные конфликты (например, спор о четырёхмильной морской зоне), в целом отношения оставались рабочими.

Вторжение в Норвегию в апреле 1940 года было продиктовано необходимостью сохранить доступ к шведской руде и желанием получить военно-морские базы. Оно привело к изоляции Швеции от Запада, что позволило Германии добиться значительных уступок, включая транзит войск и военных грузов. Несмотря на заявления Швеции о своем нейтралитете американский историк Брюс Хоппер (Bruce Hopper, 1892-1973) отмечал: «Трудно понять, почему шведское правительство не признало, что транзитное соглашение являлось нарушением нейтралитета, принятым под давлением силы... Принцип нейтралитета фактически перестал действовать». Это признавалось и немецкой стороной. Немецкий представитель в Стокгольме сообщал 8 мая 1940 года, что Швеция «полностью осознаёт реальное соотношение сил в Балтийском регионе». Как и предполагал Гитлер в планах операции «Барбаросса», Швеция разрешила транзит германской дивизии в Финляндию, допустила использование своих территориальных вод и предоставила значительные уступки немецким ВВС и флоту.

В период 1940–1942 годов Швеция всё же пыталась сохранить определённую самостоятельность: она отказалась от дальнейшего транзита немецких дивизий и сопротивлялась требованиям по норвежским судам в своих портах. Хотя Германия выражала недовольство, она не стремилась к жёстким санкциям, поскольку сама зависела от шведских ресурсов. Тем не менее в тот период Германия контролировала ситуацию в регионе, а шведское сопротивление во многом носило ограниченный, демонстративный характер, чтобы показать западным союзникам и соседям, что Швеция не полностью подчинена Германии.

К концу 1942 года Адольф Гитлер потерпел ряд военных неудач, и неизбежность победы Германии стала вызывать всё больше сомнений. Хотя вплоть до выхода Финляндии из войны Германия сохраняла доминирующее положение на Севере, Гитлер вскоре оказался слишком глубоко вовлечён в события на других театрах военных действий, чтобы уделять серьёзное внимание отношениям со Швецией. Баланс сил в Северной Европе, практически исчезнувший после капитуляции Норвегии, начал постепенно восстанавливаться, и шведское правительство не замедлило воспользоваться этим. Начиная с 1943 года, уступки Германии последовательно отменялись одна за другой, пока к 1945 году Швеция полностью не избавилась от нацистского давления. Гитлеру оставалось лишь выступать с угрозами, которые шведы уже не воспринимали всерьёз. Торговля между Германией и Швецией также практически прекратилась, поскольку Швеция под давлением союзников сократила вклад в германскую военную промышленность.

Возникает гипотетический, но важный вопрос: было ли бы выгодно Гитлеру полностью оккупировать Швецию? Хотя имеются свидетельства, что подобная идея обсуждалась, большинство немецких руководителей, по-видимому, не рассматривали её всерьёз. Гуннар Хогглёф (Gunnar Hagglöf, 1904-1994, бывший влиятельный шведский дипломат) отмечал, что в начале 1940 года среди высшего германского командования циркулировал меморандум с планом захвата Лулео и железной дороги, по которой перевозилась руда, но он был фактически проигнорирован. Если бы Германия вторглась в Швецию в 1940 году, поставки железной руды и других ресурсов, вероятно, не сократились бы так сильно, как это произошло в 1944 году (при условии, что инфраструктура не была бы уничтожена

самими шведами). Это могло бы уменьшить нехватку сырья, с которой Германия столкнулась в конце войны. Кроме того, Германия получила бы свободный доступ к шведской территории без необходимости длительных переговоров.

Однако эти преимущества следует сопоставить со следующими издержками: (1) необходимостью выделения значительного количества войск для вторжения, (2) необходимостью выделения сил для оккупации шведской территории и (3) риском диверсий и сопротивления. В конечном итоге оккупация Швеции означала бы отвлечение большого числа войск на весь период войны - войск, которые могли быть более эффективно использованы на других фронтах. Даже полный контроль над шведской рудой вряд ли компенсировал бы уменьшение численности войск в условиях войны на два фронта.

После 1940 года вероятность вторжения в Швецию уменьшалась по мере расширения германских военных операций в других регионах. В 1946 году журнал *Illustrated London News* опубликовал заявление генерал-лейтенанта Рудольфа Бамлера (Rudolf Bamler, 1896-1972), начальника штаба генерала фон Фалькенхорста, согласно которому в декабре 1942 года ему было поручено разработать план нападения на Швецию из Норвегии. Эта операция под кодовым названием *Polar Fox* должна была состояться летом 1943 года. Однако провал германского наступления в СССР летом 1943 года привёл к её отмене. После этого Гитлер уже не мог выделить необходимые силы для новых операций на Севере, что подтверждается и тем, что он не смог удержать даже Финляндию. (Сам Бамлер утверждал, что представил план генералу [Варлимонту](#) (Walter Warlimont), который предлагал осуществить вторжение зимой 1943 года, однако в мемуарах Варлимонта об этом не упоминается.)

В конечном счёте политика Гитлера в отношении Швеции основывалась на реалистичной оценке положения Германии на Севере. До вторжения в Норвегию он был вынужден учитывать интересы западных держав и сдерживать свои требования к Швеции. После 1940 года, пока Германия сохраняла военное превосходство в регионе, она могла вынуждать Швецию идти на уступки, не прибегая к прямому вторжению. За исключением идеологических фантазий о «новом порядке в Европе», политика Гитлера в отношении Швеции была прагматичной и направленной на использование сложившейся ситуации без лишнего риска. Поскольку и шведское правительство придерживалось реалистичного курса, Гитлер смог добиться своих целей в первой половине войны без оккупации страны. После 1943 года такая оккупация уже была бы вредна для Германии. В исторической перспективе германская политика в отношении Швеции во Второй мировой войне наглядно показывает, что нейтральное государство не обязательно является пассивным элементом. При реалистичном подходе воюющая сторона может использовать нейтралитет в своих интересах настолько, насколько само нейтральное государство опасается альтернативных последствий.

Janet Levegood. German policy towards Sweden 1939-1945. The University of Montana, 1965

Перевод – ИИ, редакция – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org